DOI: 10.31860/978-5-918680-445-408-444

ПИСЬМА Я. Н. ЖДАНОВИЧА К Л. Б. МОДЗАЛЕВСКОМУ (1928—1946)

(Вступительная статья, подготовка текста и комментарии Е. С. Левшиной)

Аннотация: В научный оборот вводятся письма архивиста, генеалога Я. Н. Ждановича к пушкинисту, историку литературы Л. Б. Модзалевскому. Корреспонденция, охватывающая период с 1928 по 1946 г., способствует лучшему пониманию существовавших между автором и адресатом связей, содержит информацию биографического характера и сведения о взаимоотношениях в кругах петербургской и московской научной интеллигенции 1930—1940-х гг. Кроме того, она заключает в себе воспоминания о братьях Борисе и Вадиме Модзалевских.

Ключевые слова: Я. Н. Жданович, Б. Л. Модзалевский, Л. Б. Модзалевский, Академия наук, Пушкинский Дом, архивное дело.

Abstract: The letters of an archivist, genealogist Ya. N. Zhdanovich to the Pushkin scholar, literary historian L. B. Modzalevsky are introduced into scientific circulation. These letters, covering the period from 1928 to 1946, contribute to a better understanding of the connections that existed between the author and the addressee, contain biographical information and also provide with information about relationship in the circles of Petersburg and Moscow science intelligentsia of 1930—1940s. In addition, they contain memories of the brothers Boris and Vadim Modzalevsky.

Keywords: Ya. N. Zhdanovich, B. L. Modzalevsky, L. B. Modzalevsky, the Academy of Sciences, the Pushkin House, archive affair.

Настоящая публикация завершает введение в научный оборот хранящегося в Рукописном отделе Пушкинского Дома комплекса материалов, связанных с именем архивиста, генеалога Якова Николаевича Ждановича (1885 или 1886—1953)[1]. Он был учеником, коллегой Бо-

[1] Ранее были опубликованы: Воспоминания Я. Н. Ждановича о Б. Л. и В. Л. Модзалевских / публ. Е. С. Левшиной // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2015 год. СПб.: Дмитрий Буланин, 2016. С. 154—180; «Аристократ Духа»: из воспоминаний Я. Н. Ждановича о Б. Л. Модзалевском в 1905—1928 гг. / вступ. ст., подг. текста и комм. Е. С. Левшиной // Литературный архив советской эпохи: сб. ст. и публ. СПб.: Полиграф, 2022. Кн. 3. С. 566—623; Письма Я. Н. Ждановича к Б. Л. Модзалевскому (1911—1924) / вступ. ст., подг. текста и комм. Е. С. Левши-

© Левшина Е. С., 2024

риса Львовича Модзалевского (1874—1928) по архивной работе в Петербурге, свидетелем его частной жизни, близким по духу и убеждениям другом. Содержание воспоминаний Я. Н. Ждановича не только вызывает восхищение неутомимым тружеником, скрупулезным исследователем, создателем Пушкинского Дома Б. Л. Модзалевским, но и дает читателю возможность открыть для себя внутреннюю красоту этого «особенного человека, обладавшего особенными качествами», почувствовать его обаяние и, обратившись к портрету, воочию увидеть свет «лучистых глаз» из-за стекол очков в золотой оправе. Нельзя при этом забывать, какую важную роль в появлении «памяток» Ждановича разных лет сыграл Лев Борисович Модзалевский (1902—1948). Ведь именно для него — «милого Лёвушки», — спустя десятилетия после смерти друга, была «отперта душа», и события прошлого — дорогие сердцу, тяжелые, часто мучительные — навсегда запечатлелись на бумаге[2].

Публикуемые письма Я. Н. Ждановича к Л. Б. Модзалевскому охватывают период с 1928 по 1946 г. Они способствуют лучшему пониманию существовавших между автором и адресатом связей, содержат сведения биографического характера и яркие штрихи к картине взаимоотношений, царивших в кругах петербургской и московской научной интеллигенции 1930—1940-х гг. Наконец, они заключают в себе замечательные по своей пронзительности и проникновенности зарисовки о братьях Борисе и Вадиме Модзалевских.

Знакомство Якова Николаевича со Львом Борисовичем, как и со многими другими членами семьи Модзалевских, состоялось, вероятно, в конце 1909 или начале 1910 г. в Петербурге, когда Жданович уже работал вместе с Борисом Львовичем в Архиве Конференции Академии наук. Он быстро сблизился со старшим товарищем и наставником, стал желанным гостем в доме Модзалевских, в 1911 г. даже некоторое время жил в их квартире, ночуя в кабинете Бориса Львовича[3]. Нужно полагать, что отношения Ждановича с детьми — Александрой (1899—1971), Львом (1902—1948) и Вадимом (1907—1941) Модзалевскими — были обычными, и общались они с Яковом Николаевичем так, как могли взаимодействовать дети со взрослым — другом семьи. После отъезда Я. Н. Ждановича в начале лета 1914 г. в Чернигов его связь с Борисом Львовичем практически полностью прервалась:

ной // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2022 год. СПб.: Полиграф, 2022. С. 198—238.

[2] В личном фонде Л. Б. Модзалевского хранится рукописный черновик его телеграммы к Я. Н. Ждановичу из Казани от 31 дек. 1943 г.:

«Москва Чернышевского 2/1 квартира 17 Ждановичу

Поздравляю Новым годом Вернулся благополучно Жажду воспоминаний пишу обнимаю Модзалевский» (РО ИРЛИ, ф. 187, оп. 3, ед. хр. 65, л. 1).

[3] См., например: «Аристократ Духа»: из воспоминаний Я. Н. Ждановича о Б. Л. Модзалевском в 1905—1928 гг. С. 580, 583.

не считая непродолжительного свидания в январе 1917 г. в Петрограде, друзья встретились лишь в декабре 1926 г. в Москве[4]. Правда, переписка, прекратившаяся в 1917 г., возобновилась в 1922-м, и корреспонденты изредка и коротко сообщали друг другу о семейных делах[5], но, конечно, Ждановичтолько со слов Бориса Львовича мог знать о чертах характера и интересах подрастающих детей.

Весть о внезапной смерти Б. Л. Модзалевского обрушилась на Якова Николаевича со страницы газеты и невероятно потрясла его: «Огромная часть моей личной жизни живым куском была оторвана от меня. Ужасная боль стиснула мое сердце и мою душу; я заметался, но... не заплакал. Мне некому было высказать своего горя, и я послал, как всегда посылают, телеграмму семье, нарочито приписав к своему имени фамилию Н. Ф. Бельчикова[6]. Чтобы подчеркнуть, что оплакиваю *ученого*»[7]. Немного позже, в начале мая 1928 г., Яков Николаевич все же отправил письмо Л. Б. Модзалевскому — вероятно, не хватало сил сдерживаться и переживать утрату одному. Кроме того, в душе «Лёвушки», которого «последнее время» Борис Львович «особенно любил» и которым «даже гордился»[8], Ждановича, по его собственному признанию, хотел бы найти черты отца. Этим посланием открывается настоящая публикация.

Ответом на вопрос, встретил ли Яков Николаевич в лице Льва Борисовича родственную душу, которая смогла в последующие годы если не утолить, то скрасить его душевное сиротство, возникшее после смертей друзей — Георгия Нарбута, Вадима и Бориса Модзалевских, — служат представленные письма Ждановича и неразрывно связанное с ними, заключительное, — к вдове Л. Б. Модзалевского Евгении Алексеевне. Человеку, читающему это послание и знающему о сдержанном на внешнее выражение чувств характере автора, его текст сперва может показаться высокопарным. Однако оно — крик, вырвавшийся из самой глубины, когда все любимые ушли в небытие, а на долю «задержавшегося» осталась память о них и жизнь в прошлом. «Не разделенное горе жжет сильнее. Надо крикнуть. А может быть, и прав Шекспир: “Кто любит — тот кричит”»[9]. Невозможно представить, сколько сил и самообладания понадобилось Якову Николаевичу, чтобы написать Евгении Алексеевне — поддержать ее и отдать «последнее целование» другу, столько раз уже совершавшееся им прежде.

---

[4] Подробнее см.: «Аристократ Духа»: из воспоминаний Я. Н. Ждановича о Б. Л. Модзалевском в 1905—1928 гг. С. 589—592.

[5] См.: Письма Я. Н. Ждановича к Б. Л. Модзалевскому (1911—1924). С. 224—237.

[6] О Н. Ф. Бельчикове см. прим. 2 к п. 4.

[7] «Аристократ Духа»: из воспоминаний Я. Н. Ждановича о Б. Л. Модзалевском в 1905—1928 гг. С. 594.

[8] Там же. С. 576.

[9] Там же. С. 593.

Отложившаяся в фонде Л. Б. Модзалевского корреспонденция Ждановича делится на две неравные по объему группы. Записка и письмо 1930-х гг. носят деловой характер. В это время Яков Николаевич был востребованным специалистом-архивистом: в 1923—1931 гг. он работал в Центрархиве РСФСР, а в 1936—1941 гг. — в Институте мировой литературы им. Горького. Занимая в последнем должность научного сотрудника Сектора рукописей, он оказывал содействие Льву Борисовичу, в частности, сообщив об автографах А. С. Пушкина и других интересовавших его материалах, находившихся в ИМЛИ. Очевидно, возобновление знакомства Ждановича и Модзалевского произошло в начале 1930-х гг., во время одной из командировок последнего в столицу.

Тематически к указанным посланиям примыкает письмо от 10 и 13 апр. 1946 г., в котором Жданович сообщал о намерении подготовить «докладную записку» о Льве Николаевиче Модзалевском (1837—1896) — деде адресата. В начале того же года он безуспешно просил Льва Борисовича предоставить необходимые для нее сведения. Загруженный служебными делами, работой над докторской диссертацией Модзалевский едва ли мог помочь. Между тем, Яков Николаевич, давно «выпавший» из советской архивной системы, уже не имевший связей, искал «авторитетное лицо», которое могло бы представить его записку для дальнейшей организации памятных мероприятий. Однако задуманное осуществить, видимо, не удалось.

Относящиеся ко второй группе письма Ждановича были написаны, в основном, в годы Великой Отечественной войны, и, конечно, пережитое членами семей обоих корреспондентов наложило отпечаток на их содержание. С начала блокады Ленинграда Яков Николаевич не имел сведений о Модзалевских, и переписка со Львом Борисовичем возобновилась только в марте 1943 г. К этому времени здоровье Ждановича сильно пошатнулось, он очень постарел, даже одряхлел физически; но жизнь теплилась в нем, он стойко переносил бытовые трудности и все чаще мысленно обращался к давно прошедшим дням[10]. Предположительно, в конце 1944 и в апреле 1945 г. Яков Николаевич записал, наконец, воспоминания — сначала о Борисе Львовиче, потом о его младшем брате Вадиме. Два письма к Модзалевскому указанных годов своей интонацией удивительно схожи с этими «памятками» и являются как будто дополнением к ним. Одно из них — от 13 августа 1945 г. — заслуживает отдельного внимания: в нем во всем блеске представлены необычайная эрудированность, острый ум Ждановича, его прекрасная память, владение богатой и выразительной письменной речью. Учитель Якова Николаевича — честный и исчерпывающий исследователь Борис Львович Модзалевский мог бы гордиться своим учеником!

[10] Подробнее см.: Там же. С. 573—574.

Одиннадцать писем Я. Н. Ждановича публикуются по автографам, хранящимся в РО ИРЛИ (ф. 187, оп. 3, ед. хр. 188, 22 л.); пунктуация и орфография в документах, за редкими исключениями, приведены в соответствие с современными нормами; авторские сокращения раскрыты в угловых скобках, пропущенные автором слова восполнены аналогичным способом; авторские подчеркивания даны курсивом; зачеркнутый автором текст приведен в квадратных скобках; сохранено авторское написание некоторых слов с прописной буквы; явные ошибки и описки исправлены без пояснений. По аналогичным принципам опубликовано письмо Я. Н. Ждановича к Е. А. Модзалевской (ф. 187, оп. 4, № 67, 3 л.; текст приводится в Приложении).

Выражаем глубокую признательность памяти Наталии Андреевны Жданович (1951—2018) — внучки Я. Н. Ждановича — и приносим искреннюю благодарность за помощь коллегам из Рукописного отдела Пушкинского Дома: Татьяне Ивановне Краснобородько и Лидии Константиновне Хитрово.

ПИСЬМА Я. Н. ЖДАНОВИЧА К Л. Б. МОДЗАЛЕВСКОМУ

1

<Москва>, 4 мая 1928 г.

4 мая 1928 г.[1]

Дорогой Лев Борисович, милый мой «Лёвушка»! Не написал Вам сразу, собственно, потому, что на другой день уехал в Тулу[2], успел написать Варваре Николаевне[3]. Во-вторых, я убежден, что Вы чувствуете мою скорбь, ноющую боль в моем сердце и в моей душе. То же я пережил после смерти Вадима Львовича[4], может быть, несколько резче, т<ак> к<ак> не с кем было поделиться (я узнал в Крыму)[5]. Но Ваш папа был мне больше, нежели друг. Я знал и чувствовал во все тяжелые минуты иногда чрезвычайно тяжелых работ, что там, на В<асильевском> о<строве>, сидит в своем кабинете Он... когда-либо с ним увижусь, встречусь и расскажу и тяжелое, и комичное, печальное и радостное. Сознание, что Он там сидит, часто мне давало много сил. Я не умею высказывать своих чувств к любимым и не люблю этого (такой у меня скверный характер), но нередко у меня внутри была потребность черкнуть пару ласковых слов Ему, чтобы самому стало легче от этой близости. Как давно-давно я Вас не видел (14 лет), увидимся ли когда...[6] Как мне хотелось бы найти в Вашей душе черты Вашего папы. Крепко целую Вас, Шуру и Вадю[7].

Искренне Вас любящий

Я. Жданович

[1] Письмо было написано в связи с кончиной Б. Л. Модзалевского 3 апр. 1928 г. в Ленинграде.

[2] В 1923—1931 гг. Я. Н. Жданович работал в системе Центрархива РСФСР старшим архивистом-консультантом. Особенно много внимания уделялось им научному консультированию в центральных и местных архивах, что влекло за собой частые разъезды. Согласно сведениям из личного дела, Я. Н. Жданович находился в служебной командировке в Тулу с 9 по 14 апр. 1928 г. См.: ГАРФ, р-5325, оп. 12, № 660, л. 1.

[3] *Модзалевская* (урожд. Гувениус, в 1-м браке Висковатова) *Варвара Николаевна* (1871—1937) — вторая жена Б. Л. Модзалевского (с 1910 г.). С 1915 г. работала в Пушкинском Доме по вольному найму, в 1919 (или 1920)—1926 гг. состояла в штате — научным сотрудником II разряда.

[4] *Модзалевский Вадим Львович* (1882—1920) — военный инженер, архивист, генеалог; младший брат Б. Л. Модзалевского, близкий друг Я. Н. Ждановича. О нем см.: *Модзалевская Т. Л.* 1) Вадим Львович Модзалевский (1882—1920). СПб.: Любавич, 2011. 128 с.; 2) Модзалевские: история семей пяти поколений. СПб.: Лема, 2021. С. 102—115; *Томозов В. В.* К юбилею В. Л. Модзалевского // Известия Русского генеалогического общества. СПб.: [б. и.], 1995. Вып. 4. С. 44—51.

[5] В начале 1919 — летом 1921 г. Я. Н. Жданович с супругой Анной Александровной (урожд. Линдфорс; 1885—1937) и ее старшей сестрой Зинаидой Александровной (1868—1919) жили в Крыму, территория которого в 1919—1920 гг. стала ареной противостояния Красной и Белой армий. Летом 1918 г. Я. Н. Жданович получил предложение работать под началом председателя Комиссии по охране художественных сокровищ Крыма Н. Д. Милиоти (1874—1962) и «подготовить организацию аппарата Охраны Южного побережья Крыма по уходе белых». В апреле 1919 г. Жданович занял должность правителя дел художественного эмиссара Крыма и заведовал охраной Южного побережья Крыма, на участке Алушта — Ялта — Байдарские ворота и селение Кокозы. После возвращения белых в июне 1919 г. он зарабатывал на жизнь, читая лекции по истории искусства в Кружке художников, а также ходил по аукционам и «за поденную плату» выкрикивал стоимость продаваемых предметов. С приходом Красной армии в конце 1920 г. секция по охране памятников старины и искусства при отделе народного образования Крымревкома (Крымохрис) поручила ему заведование охраной дворцов и музеев Южного побережья Крыма при Ялтинском наробразе, а также работу по оборудованию Народных музеев искусств в Ялте, Ливадии и Алупке; кроме того, до отъезда в Киев Я. Н. Жданович «состоял уполномоченным Крымнаробраза и Крымохриса в качестве эксперта при Крымвнешторге». См.: ГАРФ, р-5325, оп. 12, № 660, л. 20, 35—35 об., 106 об.—110.

[6] В 1909—1914 гг. Я. Н. Жданович работал в Петербурге, был учеником и соратником Б. Л. Модзалевского, а также близким свидетелем его частной, семейной жизни. Жданович уехал в Чернигов в конце мая или начале июня 1914 г. «на каникулы», однако начавшаяся Первая мировая война не позволила ему вернуться.

[7] Имеются в виду дети Б. Л. Модзалевского от первого брака с Е. В. Модзалевской (урожд. Решеткина; 1873—1941): *Александра Борисовна* (в замуж. Брюн; 1899—1971) и *Вадим Борисович* (1907—1941) — старшая сестра и младший брат Л. Б. Модзалевского. Подробнее о них см.: *Модзалевская Т. Л.* Модзалевские: история семей пяти поколений. С. 129—132, 155—156.

2

Москва, 5 июля 1933 г.

Еще раз крепко целую Вас, милый Лёвушка! Спасибо, что помните старика. О многом хотелось вспомнить, но время коротко, в обрез[1].

Сел в вагон Трама[2], взглянул на вас и вспомнил фамилию Малиновского. Не было ли такого академика или директора... В его имени архиве, кажись, и находятся письма Дашковой президента[3].

Всего доброго, целую

Я. Жданович

5.VII.1933[4]
Москва[5]

<На обороте письма рукой Л. Б. Модзалевского (?) простым карандашом и чернилами записаны адреса и телефоны>:

«Ст<арый> Петергоф Кингиссепск<ая> ул. д. 18»;
«3 Советская д. 7 кв. 1 *Емельянов*»;
«телефон 2-55-25 вызвать Елену Ник<олаевну> из Технич<еской> Библиот<еки> Зимн<его>»;
«*С. А. Рейсер*. Ул. Дзержинского д. 5 кв. 6»[6];
«тел<ефон> Б. М. Эйхенбаум 4-35-18 Рая Борисовна»[7];
«166-44 Academia»[8];
«140-18 Александр Александр<ович> Иванов»;
«Учр<еждение> *Средволгострой*»[9].

---

[1] Очевидно, письмо было написано Я. Н. Ждановичем после личной встречи с Л. Б. Модзалевским в один из приездов последнего в Москву.

[2] Имеется в виду трамвай. По одной из версий, слово «трамвай» происходит от фамилии английского инженера-строителя, промышленника *Бенджамина Аутрама* (Benjamin Outram; 1764—1805) и слова *way* — «дорога» (*англ. яз.*); т. е. «трамвай» — букв. «дорога Трама».

[3] Возможно, имеется в виду *Малиновский Алексей Федорович* (1762—1840) — тайный советник (1819); археограф, архивист, переводчик; член-учредитель Общества истории и древностей российских (1804) и его председатель в 1831—1835 гг. В 1814—1840 гг. был главным управляющим Московским архивом Коллегии иностранных дел (с 1832 г. — Московский главный архив Министерства иностранных дел). *Дашкова* (урожд. Воронцова) *Екатерина Романовна* (1743—1810) — княгиня; директор Императорской Академии наук, инициатор создания и председатель Российской академии (1783—1796). А. Ф. Малиновский был женат (с 1812 г.) на внучатой племяннице и воспитаннице Е. Р. Дашковой *Исленьевой Анне Петровне* (1770—1847), которая жила в ее доме более десяти лет и вела всю деловую переписку; вероятно, в доме Е. Р. Дашковой А. Ф. Малиновский познакомился с будущей женой. Письма Е. Р. Дашковой к А. П. Исленьевой, А. Ф. Малиновскому, которые, однако, были написаны после лишения Е. Р. Дашковой всех должностей (1796—1806), см.: РГАДА, ф. 188, д. 363, л. 9—62. Подробнее об отношениях Е. Р. Дашковой с семьей Малиновских см.: *Долгова С. Р.* Княгиня Е. Р. Дашкова и семья Малиновских. М.: Древлехранилище, 2002. 247 с.

[4] Письмо написано простым карандашом. На обороте письма рукой Я. Н. Ждановича также карандашом приписано: «Льву Борисовичу Модзалевскому».

[5] Слово «Москва» приписано фиолетовыми чернилами рукой Л. Б. Модзалевского; в нижнем правом углу также его рукой фиолетовым карандашом приписано: «июль 1 2».

[6] *Рейсер Соломон Абрамович* (1905—1989) — библиограф, литературовед, текстолог; доктор филологических наук (1956); специализировался по истории русской литературы 2-й половины XIX в., истории революционного движения и общественной мысли; с 1930 г. преподавал в Комвузе (1930—1931), в Ленинградском областном учительском институте (1930—1940) и др.; работал в ИРЛИ (1935—1936), в ГПБ (1931—1942, 1944—1946). Ул. Дзержинского в Ленинграде — в 1991 г. возвращено историческое название — ул. Гороховая.

[7] *Эйхенбаум Борис Михайлович* (1886—1959) — литературовед; доктор филологических наук (1936); занимался историей русской литературы конца XVIII — начала XX в. В 1926—1929 гг. был сверхштатным, в 1935—1946, 1956—1959 гг. — штатным научным сотрудником ИРЛИ. С 1911 г. был женат на *Раисе Борисовне Эйхенбаум* (урожд. Брауде; 1890—1946). Наравне с отцом и С. А. Венгеровым (1855—1920), Л. Б. Модзалевский считал своими учителями Б. М. Эйхенбаума и Ю. Г. Оксмана (1895—1970); в их исследовательских семинарах он стал участвовать после 1922 г. См.: *Хитрово Л. К.* Л. Б. Модзалевский: материалы к биографии по документам личного архива в Рукописном отделе Пушкинского Дома // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2020 год. СПб.: Родник, 2020. С. 9—12.

[8] *«Academia»* — первоначально — издательство философского общества при Петроградском университете, основанное в 1921 г.; в 1929 г. переехало из Ленинграда в Москву и стало акционерным обществом, в 1938 г. окончательно слилось с Гослитиздатом. Данным издательством были выпущены подготовленные Л. Б. Модзалевским труды: 1) Рукописи Пушкина в собрании Государственной публичной библиотеки в Ленинграде: Труды Пушкинского дома Академии наук СССР и Пушкинского комитета Государственного ин-та истории искусств / сост. Л. Б. Модзалевский. Л.: Academia, 1929. 51 с.; 2) *Пушкин*. Письма. Т. 3: 1831—1833 / под ред. и с прим. Л. Б. Модзалевского. Л.: Academia, 1935. 721 с.

[9] *Средволгострой* — специальное управление, созданное в 1932 г. в связи с сооружением трех больших гидростанций на Средне-Волжской системе. Подробнее см.: Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) о строительстве гидростанции на Волге от 23 марта 1932 г. // Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского правительства СССР. 1932. Отд. 1. № 21. Ст. 127.

3

<Москва>, 7 сентября 1937 г.

Милый Лёва!

Из заслуживающего внимания у нас[1] известные тебе:
1. «Ответ х + у <так!>» («Нет! Не черкешенка она») даты нет. (1826?)[2].
2. Письмо к родителям — 3.V.1830 г.[3]

К нему:

3) Родзянко А. Г. и Керн А. П.[4]
4) Бенкендорфа А. Х. 15.IV.1836 № 2366[5].

5) *Мартоса П.* («В № 3 “Современника” есть престранная статья...» и т. д.)[6]. Записано мною это письмо якобы «с пометками Пушкина», таким его считают здесь; но это от лукавого и кружения голов, исправлено одно только слово самим Мартосом, поэтому и запись о «заметках П<ушкина>» я взял в скобки прямые и с ? знаком. Меня больше интересует вопрос: кто сей Мартос? И как его по батюшке величали? У Вади его, очевидно, нет, а календарей у нас нет, чтобы покопаться. Найти отчество не трудно; думаю, что служил он в Севастополе или в Одессе (письмо из Одессы), или в Бессарабии. Если знаешь отчество, сообщи мне.

6) Списки стихотв<орений> 1824 г.[7]

7) То же, 8-я глава «Евг<ения> Онег<ина>» (очень вкусно[8] оформлено) 1833 г.[9]

О Пушкине

8) Расписка Нат<альи> Рылеевой, данная Оресту Мих<айловичу> Сомову в том, что через него получено «от Ал<ександра> Серг<еевича> Пушкина денег шестьсот рублей, возвращенные им за взятые обратно его стихотворения, кои должны были помещены быть в альманахе “Звездочка”»[10]. Из этих денег Сомов «по поручению моему» доставил триста руб<лей> Праск<овье> Мих<айловне> Бестужевой, «ей следуемых на часть сына Александра Алек<са>ндров<ича>»[11], а другую половину «по моему назначению» Сомов доставил девице Анне Фед<оровне> Федоровой[12]. И т. д. Датирована 30.VIII.1827 г.

Я думаю, будет лучше, если ты сошлешься на то, что известно: архив Брюсова поступил в Ин<ститу>т им. Горького[13], — и попросишь выслать для редакции[14] *фотокопии* нужных тебе документов. Лишних не оказалось, а мастер занят.

Всем привет, крепко тебя обнимаю.

Подпись

7.IX.37

---

[1] С 1936 по 1939 г. Я. Н. Жданович служил старшим, с 1939 по 1941 г. — младшим научным сотрудником Сектора рукописей Института мировой литературы им. А. М. Горького (ИМЛИ); он заведовал архивом № 1 (дореволюционными рукописями) и занимался обработкой эпистолярного наследия писателей XIX—XX вв.

[2] Имеется в виду стихотворение А. С. Пушкина «Ответ Ф. Т<уманскому>» (1826). Место хранения в наст. время: РО ИРЛИ, ф. 244, оп. 1, ед. хр. 897.

[3] Речь идет об автографе письма А. С. Пушкина к Н. О., С. Л. и О. С. Пушкиным от 3 мая 1830 г. Н. О. Пушкина подарила его А. И. Васильчиковой (о ней см. прим. 7 к п. 9), и автограф хранился в альбоме последней. Альбом был приобретен для рукописного собрания ИМЛИ в 1930-е гг. Автограф был изъят из альбома еще в ИМЛИ, хранился под отдельным шифром; в сентябре 1938 г. был передан по акту в довоенный Государственный музей им. А. С. Пушкина (Москва), оттуда в 1948 г. — в Пушкинский Дом. В наст. время: РО ИРЛИ, ф. 244, оп. 1, ед. хр. 1385.

[4] Письмо А. Г. Родзянко и А. П. Керн к А. С. Пушкину от 10 мая 1825 г.; в наст. время: РО ИРЛИ, ф. 244, оп. 2, ед. хр. 179. *Родзянко Аркадий Гаврилович* (1793—1846) — капитан в отставке; поэт; был членом общества «Зеленая лампа», сотрудничал в альманахах «Полярная звезда», «Невский альманах» и др.; был знакомым А. П. Керн, ее соседом по имению в Полтавской губ.

[5] Письмо А. Х. Бенкендорфа к А. С. Пушкину от 15 апр. 1836 г.; в наст. время: РО ИРЛИ, ф. 244, оп. 2, ед. хр. 22.

[6] Письмо П. И. Мартоса к А. С. Пушкину от 13 окт. 1836 г.; в наст. время: РО ИРЛИ, ф. 244, оп. 2, ед. хр. 179. *Мартос Петр Иванович* (1811 — ок. 1880) — отставной штабс-ротмистр; помещик Лохвицкого уезда Полтавской губ. В 1822—1827 гг. воспитывался в пансионе при Гимназии высших наук кн. Безбородко, учениками которой в то время были также Н. В. Гоголь, Н. В. Кукольник и др., но курса не окончил и в 1827 г. поступил унтер-офицером в уланский полк. В 1839—1840 гг. в Петербурге познакомился и общался с Т. Г. Шевченко, издал на свои средства его поэтический сборник «Кобзарь» (1840), оставил воспоминания о поэте. Подробнее см.: *Мартос П. И.* Эпизоды из жизни Шевченка // Воспоминания о Тарасе Шевченко. Киев: Днипро, 1988. С. 78—81, 480—482.

[7] В наст. время: РО ИРЛИ, ф. 244, оп. 8, ед. хр. 81.

[8] Жданович использует излюбленный эпитет Бориса Львовича, которым тот наделял интересные архивные первоисточники, памятники прошлого, качественный научный труд с «изюминкой». См.: «Аристократ Духа»: из воспоминаний Я. Н. Ждановича о Б. Л. Модзалевском в 1905—1928 гг. С. 578, 581, 584, 587.

[9] В наст. время: РО ИРЛИ, ф. 244, оп. 5, ед. хр. 97.

[10] Расписка Н. М. Рылеевой О. М. Сомову от 30 авг. 1827 г.; в наст. время: РО ИРЛИ, ф. 244, оп. 3, ед. хр. 144. *Рылеева* (урожд. Тевяшева) *Наталья Михайловна* (1800—1853) — жена поэта, декабриста К. Ф. Рылеева. *Сомов Орест Михайлович* (1793—1833) — литературный критик, писатель журналист; вместе с А. А. Дельвигом издавал альманах «Северные цветы» (1825—1832), участвовал в издании «Литературной газеты» (1830—1831). «Звездочка» — литературный альманах, который, по замыслу ее редакторов и издателей К. Ф. Рылеева и А. А. Бестужева-Марлинского, должен был продолжать альманах «Полярная звезда», но после восстания декабристов его выход в свет стал невозможен; О. М. Сомов был ближайшим помощником издателей «Звездочки».

[11] *Бестужева Прасковья Михайловна* (1775—1846) — мать писателя, публициста, декабриста *Александра Александровича Бестужева-Марлинского* (1797—1837).

[12] Имеется в виду *Крылова Анна Федоровна* (до 1795—1858) — незаконнорожденная дочь Ф. А. Рылеева, сводная сестра К. Ф. Рылеева; после окончания пансиона была вынуждена сама обеспечивать себя и зарабатывала на жизнь частными уроками. Подробнее о ней см.: *Готовцева А. Г., Киянская О. И.* Правитель дел: к истории литературной, финансовой и конспиративной деятельности К. Ф. Рылеева. СПб.: Нестор-История, 2010. С. 72—84.

[13] Имеется в виду *Брюсов Валерий Яковлевич* (1873—1924); в наст. время его архив в ИМЛИ — ф. 13. Возможно, Л. Б. Модзалевского интересовали материалы, связанные с деятельностью В. Я. Брюсова по изданию Полн. собр. соч. А. С. Пушкина (1913—1923).

[14] С 1925 по 1948 г. Л. Б. Модзалевский непрерывно работал в Архиве Академии наук; с 1933 г. он был введен в состав Пушкинской комиссии, а в декабре того же года стал сотрудником Института русской литературы и первым штатным хранителем Пушкинского фонда. В 1937 г. увидело свет издание: Рукописи Пушкина, хранящиеся в Пушкинском доме: науч. описание / сост. Л. Б. Модзалевский и Б. В. Томашевский. М.; Л.: изд-во АН СССР, 1937. 392 с. Подготовка данного

описания шла параллельно с работой над академическим изданием сочинений А. С. Пушкина, которая велась с 1933 г. при участии всех виднейших ученых-пушкинистов. Оно было осуществлено издательством Академии наук СССР в 1937—1949 гг. в 16 томах; дополнительный семнадцатый том (не имеющий нумерации) был издан в 1959 г.

4

Москва, 10 марта 1943 г.

10.III.1943

Очень меня тревожила последние полтора года судьба твоя и твоей семьи, милый Лёвушка[1]! Вернулся из эвакуации Н. Ф. Бельчиков[2] и помог мне узнать о тебе, причем добавил печальную весть, что ты потерял «кого-то из близких»[3]. Напиши о себе все подробно; вот уж два года живу мысленно с твоим папой, как жили когда-то.

В сентябре 1941 г. я оставил работу, отказавшись ехать с материалами в Томск, и не жалею о том: я и ранее был на инвалидном положении, а война подкосила меня изрядно[4]. Год назад мучил меня аневризм аорты, сейчас легче, и мучает только общий артериосклероз, заставляя по ночам и днем корчиться в судоргах <так!>. Живу на теплой водичке с солью, иногда кофе, очень-очень редко удается сварить тарелку супа, и 400 гр<аммов> хлеба в сутки. На это все хватает моей 99-<ти>р<ублевой> пенсии, и никакие капиталы большего размера мне все равно не помогли бы: рынок чудовищно дорог, да и ехать на него мне трудно.

Андрюша мой[5] бросил 9 класс школы и в ноябре 1941 г. ушел в партизанский отряд[6]; он навестил меня прошедшей осенью: работал под Псковом и Витебском, взорвал 6 эшелонов, портил шоссейные мосты; как-то его окружили, он отстрелялся из «бесшумки», уложил пятерых и удрал. Сейчас он работает разведчиком под Вязьмой. Из мальчугана превратился в взрослого мужчину (летом ему будет 18 л<ет>), выше меня ростом и очень красив стал; все от него в восторге; товарищей своих, таких же молодых, приводил часто ко мне, и все такие же красавцы. Дочь Наташа оставила учебу на историч<еском> ф<акульте>те МГУ и работает медсестрой[7]. Я тихонько догораю, истощав ужасно и ослабев.

В 1812 г. архивы учреждений ведомства м<инистерст>ва Двора ездили также в Казань пароходами или баржами[8]; это я помню по «ведомостям и описям», сохранившимся в архиве Академии художеств[9]. В чем заключается твоя работа в Архиве[10], кто сейчас завед<ует> Архивом Академии[11]? Московский зав<едующий> (1941 г.) мурло изрядный, в архивном деле ничего не смыслил[12]. Ну, прощай, милый Лёвушка, будь здоров и благополучен. С папой я живу сейчас как с живым, а Вадю[13] почему-то редко вспоминаю.

Обнимаю тебя крепко

Як. Жданович

<Адрес на конверте[14]*:>*

г. Казань
Академия наук СССР. Архив.
Льву Борисовичу Модзалевскому
Москва. Ул. Чернышев<ского> (б<ывшая> Покровка) д. 2/1 кв. 17[15].
Ждановичъ Я. Н.

---

[1] С 1937 г. Л. Б. Модзалевский был женат вторым браком на *Евгении Алексеевне Модзалевской* (урожд. Фаворская, в 1-м браке Брюн; 1909—1983); в браке родились дочери *Татьяна* (р. 1937) и *Людмила* (1941—1942). В семью Модзалевских также вошли дети Е. А. Модзалевской от первого брака: *Елена Сергеевна* (в замуж. Станкевич; 1931—2013) и *Ипполит Сергеевич* (1933—2021) *Брюны*. До августа 1941 г. семья жила в с. Красный Бор (ж/д станция Поповка), в доме Варвары Николаевны Фаворской (1890—1968); родители работали в Ленинграде, поэтому бóльшую часть времени за детьми присматривала бабушка. Связь с отцом поддерживали дети Л. Б. Модзалевского от первого брака с *Натальей Николаевной Модзалевской* (урожд. Граве; 1905—1989): *Борис* (1926—2005), *Николай* (1928—2013) и *Марина* (1934—2016). Подробнее см.: *Модзалевская Т. Л.* Модзалевские: история семей пяти поколений. С. 47—54, 138—141.

[2] *Бельчиков Николай Федорович* (1890—1979) — историк литературы, исследователь творчества А. С. Пушкина, Ф. М. Достоевского, Т. Г. Шевченко, Н. Г. Чернышевского и др.; засл. деятель науки РСФСР (1947), чл.-корр. АН СССР (1953). В 1930—1937 гг. — в ИРЛИ, старший научный специалист и секретарь Пушкинской комиссии в Москве; в 1949—1955 гг. — директор Пушкинского Дома. С 1939 по 1945 г. — профессор и заведующий кафедрой русской литературы Московского гос. педагогического института; осенью 1941 г. был эвакуирован в Алма-Ату, где преподавал также в Казахском педагогическом институте им. Абая. Вместе с женой недолгое время занимал соседнюю с семьей Я. Н. Ждановича комнату в бельэтаже бывшего здания Московского архива Министерства юстиции (Б. Пироговская ул., д. 17). Сами Ждановичи жили там с 1924 по 1938 г.; осенью 1938 г. они перебрались в «большой флигель», расположенный во дворе главного здания (принадлежавшего тогда Центрархиву). 11 июня 1941 г. Я. Н. Ждановичъ вместе с детьми переехал на ул. Чернышевского — в комнату большой, многонаселенной коммунальной квартиры, которая стала его последним московским домом. Подробнее см.: Семейный архив Н. А. Ждановичъ и Т. А. Дергачевой (*Ждановичъ Н. Я.* Наш дом).

[3] Младшая дочь Л. Б. и Е. А. Модзалевских Людмила скончалась в блокадном Ленинграде 4 авг. 1942 г. См.: *Модзалевская Т. Л.* Наша блокада: семья Модзалевских в военные годы (1941—1945): документы, письма, дневники. СПб.: Лема, 2014. С. 39—41, 59.

[4] В августе 1941 г. Я. Н. Ждановичъ отказался эвакуироваться вместе с ИМЛИ, не считая возможным оставить детей в Москве одних. Еще в 1939 г. он получил вторую группу инвалидности из-за проблем с сердцем, но, чтобы продолжать работать, попросил третью группу; во время войны получал иждивенческие продуктовые карточки, так как не смог устроиться работать по специальности — везде были нужны рабочие руки. См.: Семейный архив Н. А. Ждановичъ и Т. А. Дергачевой (*Ждановичъ Н. Я.* Наш дом); *Ждановичъ А. Я.* Холодное утро. СПб.: Logos, 2005. С. 88, 92.

[5] *Жданович Андрей Яковлевич* (1924—2009) — сын Я. Н. Ждановича, ставший впоследствии военным моряком, художником, писателем. Окончил ВВМУ им. М. В. Фрунзе (1944—1948); участник Великой Отечественной войны; курсантом училища участвовал в Параде Победы в Москве 24 июня 1945 г.; в 1948—1954 гг. служил на Балтийском флоте; с 1954 г. занимал различные должности в ВВМУ им. М. В. Фрунзе; в 1972 г. был демобилизован, работал архитектором-реставратором в Государственном институте по проектированию театрально-зрелищных предприятий (Гипротеатр) и художником в «Союзаттракционе»; разрабатывал реставрационные проекты в Ростове Великом (1973—1974); автор эскизов юбилейных значков, множества гравюр, а также художественно-документальных повестей «Холодное утро» (СПб.: Logos, 2005), «Фарватер» (СПб.: [б. и.], 2007) и книги «Секрет продвижения: маленькие рассказы о нетипичном» (СПб.: Версия, 2004).

[6] Оставив школу, в ноябре 1941 г. А. Я. Жданович ушел добровольцем на фронт по призыву ВЛКСМ. Был рядовым бойцом в/ч 9903 — спецчасти для выполнения заданий особого назначения разведотдела штаба Западного фронта. Бойцами этой части также были Герои Советского Союза Зоя Космодемьянская, Лиза Чайкина, К. С. Заслонов. Воспоминания А. Я. Ждановича о детских годах, проведенных на Пироговке, о первых месяцах войны в Москве, о диверсионной работе в тылу врага и однополчанах легли в основу сюжета его повести «Холодное утро». Написанная в 1960-е гг. повесть была впервые издана лишь в 1990 г. (Л.: Советский писатель).

[7] *Жданович Наталья Яковлевна* (1919—2003) — дочь Я. Н. Ждановича; в 1940—1941, 1944—1949 гг. — студентка исторического факультета МГУ. Следуя примеру сестер отца и матери, которые были сестрами милосердия в Русско-японскую и Первую мировую войны, в сентябре 1942 г. окончила курсы медсестер запаса Красного креста и Красного полумесяца с отрывом от производства при Красногвардейском РОКК в Москве; в ожидании повестки из военкомата для отправки на фронт, с октября 1942 по сентябрь 1944 г. работала медсестрой в хирургическом отделении Эвакогоспиталя 4633. По окончании университета поступила на работу в справочную ТАСС; после выхода на пенсию работала заведующей одной из библиотек ТАСС.

[8] В 1812 г., в случае прямой угрозы столице со стороны армии Наполеона, из Петербурга предполагалось вывезти государственные учреждения, архивы, дворцовые и музейные ценности. Об этом см.: *Искюль С.* В Петербурге перед лицом опасности, 1812 // Звезда. 2015. № 5. С. 175—220.

[9] В 1913—1914 гг. Я. Н. Жданович исполнял, по приглашению Н. Н. Врангеля, обязанности секретаря Комиссии и редакции юбилейного сборника «История Императорской Академии художеств за 150 лет». Помимо своих прямых обязанностей Жданович занимался тематической разработкой архивов художественных классов при Московском университете, академических классов в фонде Архива Конференции, Министерства Двора, Эрмитажа, Конференции Академии художеств, дополняя, по возможности, материалы библиографическими сведениями. В частности, для сотрудников редакции сборника им были составлены списки и краткие обзоры содержания дел последнего архива с 1764 по 1837 г. См.: Семейный архив Н. А. Ждановичи и Т. А. Дергачевой (*Жданович Я. Н.* <Отрывки из автобиографий>).

[10] Из содержания этого и следующего писем следует, что Я. Н. Жданович долгое время не имел известий о семье Модзалевских, следовательно, не мог знать о том, что после эвакуации в Казань, с конца июля 1942 г., Л. Б. Модзалевский с женой и тещей жили в Елабуге, где ученый заведовал кафедрой истории русской

литературы Воронежского гос. университета, читал курс лекций и руководил исследовательским семинаром по литературе XVIII в. Вероятно, сведения о его местонахождении были получены Ждановичем от вернувшегося в Москву Бельчикова. В Казань Модзалевский был переведен в апреле 1943 г. В июне он был избран секретарем Музейной и Архивной Комиссии АН СССР, а в июле 1943 г. получил должность старшего научного сотрудника и назначение заведующим Рукописного отдела Пушкинского Дома. Подробнее о деятельности Модзалевского в 1943 г. см.: *Хитрово Л. К.* Л. Б. Модзалевский: материалы к биографии по документам личного архива в Рукописном отделе Пушкинского Дома. С. 17—18, 20—42.

[11] Директором Архива Академии наук СССР (Ленинград) в 1929—1963 гг. был *Князев Георгий Алексеевич* (1887—1969) — историк, архивист, археограф; доктор исторических наук (1960).

[12] Заведующим Московским отделением Архива Академии наук СССР в 1939—1956 гг. был *Гетман Филипп Дмитриевич* (1897—1992?) — архивист; в 1929 г. он окончил Институт народного хозяйства им. Плеханова, с 1936 г. — ученый архивист Московского отделения АН СССР. Подробнее о нем см.: Гетман Филипп Дмитриевич // Архив Российской академии наук. Санкт-Петербургский филиал. [Электронный ресурс] URL: http://db.ranar.spb.ru/ru/person/id/26288/ (дата обращения: 01.03.2024).

[13] Вадима Львовича Модзалевского. См. прим. 4 к п. 1.

[14] Штемпели: «Москва Почтамт. 10.3.43»; «Казань 10 ТАССР Казан. 10 15.3.43»; «Просмотрено Военной Цензурой Москва 648».

[15] Последний московский адрес Ждановича.

5

Москва, 25 апреля 1943 г.

25.IV.1943 г.

Получил твою открытку, милый Лёвушка, которая меня согрела и умилила очень. Так дохнуло родным, твоим папой, прошлым. Тебе не понятно одиночество, когда все друзья уходят и ты совершенно в прошлом. Я чувствую твою душевную искреннюю ласку; но ведь это нежный аромат любимых астр и хризантем еще более возбуждает тоску по отцветшим левкоям и еще раньше отцветшим весенним нарциссам. Вадя был моим другом и товарищем; он вложил отчасти [любовь мою] в душу мою любовь к Украине, — которую я обожал с детства за красоту ее природы[1], — и ее историческому прошлому. Папа был другом, дал мне возможность понять и полюбить архивы, в которых и для которых я проработал всю мою жизнь. Мне было всегда хорошо и весело в обществе Вади, но такой дружеской ласки, какую всегда мне давал твой папа, я не получал ни от одного друга и близкого человека. Сегодня Пасха, он любил этот праздник, и я всегда невольно его вспоминаю, когда слышу пасхальные мотивы... точно так же вспоминаю, как весну моего детства и юности, как запах весенней земли.

В твоей открытке много тяжелого и грустного, что неизбежно бывает в жизни каждого. Для меня эта открытка была большим сюрпризом, т<ак> к<ак> я, наконец, узнал о твоей судьбе. Я радуюсь, что ты

уцелел в этой буре, радуюсь, что ты имеешь кафедру ист<орико>-лит<ературную>[2]. И мне грустно, что радуюсь только я, радуюсь в одиночестве моем и не делюсь радостью с твоим отцом. Дело в том, что в 1924 г., если не ошибаюсь в дате, папа писал мне, что на Вадю (сына) он давно махнул рукой, а ты его радуешь, что он заметил в тебе крен в сторону литературоведа, но что он пока приглядывается к тебе и помалкивает. Писал, что ты занялся как бы даже всерьез Кузьмой <так!> Прутковым и просил помочь добыть для тебя материалы[3].

А ведь у него лично с его отцом было иначе. Лев Николаевич[4], написавший прекрасный труд по ист<ории> педагогики[5], воспитавший Ник<олая> Мих<айловича>[6], Георгия Мих<айловича>[7] (нумизмата), наконец, сыновей двух историков[8], очень не желал видеть в твоем отце историка и был огорчен, когда папа ушел к Майкову[9], Саитову[10] и т. д.

Вот пишу я тебе и слышу голос папы: «Вы, Жакоба[11], еще остались на земле в одиночестве» (Вадя сказал бы: «Ты застрял там...»), — порадуйтесь же вместо меня и крепко обнимите при встрече моего Лёвушку и поблагодарите его крепко от меня». Бельчиков сказывал мне, что ты совершенно сед... Горя и страха, стало быть, перенес не мало, я же боялся худшего. Надо еще потерпеть немного, все пройдет, все уляжется, и дай Господь тебе зажить спокойной трудовой жизнью.

Пишу тебе как-то сумбурно и перечитывать не стану, что написал, и писать скверно при коптилке, скверным пером... Встретимся ли когда — не знаю. Вот и Льва Анат<ольевича>[12] нет, и Марии Влад<имировны>[13]. А где сейчас тетя Людмила[14] и тетя Нина[15]? В чем заключается твоя работа в А<кадемии> н<аук>?

Опыт и практику твоей работы в Вор<онежском> ун<иверсите>те надо как-то закрепить и в будущем.

Бельчиков шлет тебе привет; он сейчас пишет отзыв о работах Леб<едева>-Полянского, которого проводят в академики[16].

Всего тебе доброго, милый Левушка, крепко тебя целую. Старика не забывай.

Подпись

<Адрес на конверте[17]:>

г. Елабуга, Татарской АССР
Ул. Азина, д. № 109.
Льву Борисовичу Модзалевскому
Москва. Ул. Черныш<евского> 2/1 кв. 17.
Жданович

---

[1] Я. Н. Жданович родился и провел детство в имении Ждановичей Хреновка (Мощонская волость Городнянского уезда Черниговской губ.); с конца XVII в. оно принадлежало предкам Ждановичей — представителям дворянского рода Бо-

роздны. В наст. время — село в Сновском (до 2016 г. — Щорском) р-не Черниговской обл. (Украина).

[2] См. прим. 10 к п. 4.

[3] О работах Л. Б. Модзалевского, посвященных творчеству А. К. Толстого, см.: *Хитрово Л. К.* Л. Б. Модзалевский: материалы к биографии по документам личного архива в Рукописном отделе Пушкинского Дома. С. 9—10.

[4] *Модзалевский Лев Николаевич* (1837—1896) — педагог, публицист, автор трудов по истории педагогики; отец Б. Л. Модзалевского. О нем см.: *Модзалевский В. Л.* Малороссийский родословник. СПб.: типо-лит. «С. В. Кульженко», 1912. Т. 3: Л—О. С. 809—812; *Модзалевская Т. Л.* Лев Николаевич Модзалевский. СПб.: Лема, 2016. 116 с.; Письма А. Н. Модзалевского к Б. Л. Модзалевскому / публ. Т. Г. Ивановой // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1996 год. СПб.: Дмитрий Буланин, 2001. С. 457—478.

[5] Имеется в виду: *Модзалевский Л. Н.* Очерк истории воспитания и образования с древнейших времен до наших дней / сост. (по Шмидту, Раумеру и др.) Л. Модзалевский. СПб.: в тип. Ф. С. Сущинского, 1866—1867. Вып. I—III.

[6] *Николай Михайлович, вел. кн.* (1859—1919) — генерал от инфантерии, генерал-адъютант; энтомолог, историк; почетный член Императорской Академии наук (с 1898 г.), почетный Президент русского энтомологического общества (с 1881 г.), председатель Русского географического общества (1892—1917), председатель Общества защиты и сохранения в России памятников искусства и старины (1909—1917), председатель Русского исторического общества (1910—1917).

[7] *Георгий Михайлович, вел. кн.* (1863—1919) — генерал-адъютант; нумизмат, к 1917 г. обладал редкой по ценности и численности коллекцией монет; в 1898—1917 гг. — председатель Русского генеалогического общества. Отец Б. Л. Модзалевского Лев Николаевич в 1867—1872 гг. состоял в должности наставника-наблюдателя за преподаванием при детях вел. кн. Михаила Николаевича в Тифлисе, т. е. вел. кн. Николай Михайлович и Георгий Михайлович были его подопечными.

[8] Имеются в виду Борис Львович и Вадим Львович Модзалевские.

[9] *Майков Леонид Николаевич* (1839—1900) — историк русской литературы, этнограф, фольклорист; академик (с 1891 г.), вице-президент Академии наук (с 1893 г.); состоял председателем Фонда императора Николая II для вспомоществования писателям и ученым. Под его руководством в апреле-мае 1899 г. Б. Л. Модзалевский организовывал Пушкинскую юбилейную выставку в Академии наук; были изданы каталог и альбом выставки.

[10] *Саитов Владимир Иванович* (1849—1938) — историк литературы, пушкинист, библиограф; чл.-корр. Академии наук (1906). В 1883—1893, 1899—1928 гг. служил в Публичной библиотеке; в 1913—1919 гг. был секретарем Императорского Русского исторического общества. Вместе с Б. Л. Модзалевским готовил к изданию «Московский некрополь». См.: Московский некрополь. СПб.: тип. М. М. Стасюлевича, 1907—1908. Т. I: (А—I). XXIII, 517 с.; Т. 2: (К—П). 486 с.; Т. 3: (Р—Ф). 432 с. В воспоминаниях 1944 г. Я. Н. Жданович рассказывал, что в молодости Б. Л. Модзалевский был очень привязан к В. И. Саитову, который, в свою очередь, даже написал духовное завещание в пользу своего ученика. Об их непростых отношениях см.: «Аристократ Духа»: из воспоминаний Я. Н. Ждановича о Б. Л. Модзалевском в 1905—1928 гг. С. 597—599.

[11] *Жакоба* — так называли Ждановича близкие друзья, в том числе Б. Л. Модзалевский.

[12] *Брюн де-Сент-Ипполит Лев Анатольевич* (1874—1941) — коллежский секретарь; агроном; муж *Людмилы Львовны Брюн* (урожд. Модзалевская, в 1-м браке Висковатова; 1872—1950) — старшей сестры Б. Л. Модзалевского. До революции

владел домом (усадьбой Турово), построенным на землях пустоши Дор (в 3 км южнее г. Луга, за р. Обла; ныне по этим местам проходит федеральная автодорога Р-23 «Псков»); работал по специальности — агрономом. Умер в блокадном Ленинграде. Подробнее о нем см.: *Модзалевская Т. Л.* Модзалевские: история семей пяти поколений. С. 42—43.

[13] *Модзалевская* (урожд. Лаврентьева) *Мария Владимировна* (1883—1842) — супруга (с 1902 г.) *Всеволода Львовича Модзалевского* (1879—1936) — морского офицера; младшего брата Б. Л. Модзалевского.

[14] Имеется в виду Л. Л. Брюн. Была вывезена из блокадного Ленинграда в 1942 г. в Архангельск вместе с дочерьми: *Натальей Львовной* (1905—1969), *Ниной Львовной* (в замуж. Бартон; 1909—1973), — и внучкой *Эрикой Роевной Бартон* (р. 1935). После ареста дочерей — в 1946 и 1947 гг. соответственно — Л. Л. Брюн осталась с внучкой в Архангельске. После гибели Л. Б. Модзалевского его семья забрала Л. Л. Брюн в Ленинград. Подробнее см.: *Модзалевская Т. Л.* Модзалевские: история семей пяти поколений. С. 41—44.

[15] Имеется в виду *Энкель* (урожд. Модзалевская) *Нина Львовна* (1884—1959) — младшая сестра Б. Л. Модзалевского. В 1904—1915 гг. была замужем за инженером-технологом М. А. Энкелем (1881—1946); после революции жила в Москве; в 1921 г. стала женой В. Г. Лаврентьева (1889? — 1961?), который в 1939 г. был арестован и осужден.

[16] *Лебедев-Полянский* (наст. фам. Лебедев; псевд. Валериан Полянский) *Павел Иванович* (1882—1948) — участник революционного движения, литературовед, литературный критик; чл.-корр. (1939), академик АН СССР (1946). В 1937—1948 гг. был директором ИРЛИ.

[17] Штемпели: «Москва Почтамт. 5 эксп. <нрзб.>»; «Елабуга ТАССР <нрзб.>. 18.5.43»; «Просмотрено Военной Цензурой Москва 61».

6

Москва, 27 июля 1943 г.

Открытое письмо

27.VII.1943 г.

Милый мой Лёвушка! Более месяца тому назад получил твою открытку, свез и отдал Нине Львовне[1]. Ответить не было досуга: обременен бытовыми невзгодами и все ждал, как разрешится судьба моего Андрея[2]. Затем адрес-то остался у Нины Львовны? Нашел казанский адрес и снова отложил, да вот и сообразил: ведь писал же тебе я в Елабугу до той открытки, что тете Нине отдал? Наконец, нашел... Как живешь, родной мой, и успехи твои? Чувствую, что работы у тебя *пропасть*. Интересует меня, устроился ли ты, наконец, так, чтобы жить всем вместе семьею[3]? Часто тебя вспоминаю, когда думы переносятся в прошлое, и передо мной проходит жизнь то папы твоего, то Вади. Недавно перенесся в кондитерскую быв<шую> Покка[4] в Харькове, в которой угощал Володю Г<ершельмана>[5] мороженым, сидели часа четыре, и он мне рассказал подробно о своей жизни с Вадей, когда я не был с ним знаком еще. Особенно врезалась в память свадьба его с Шурой[6]. Эх, Вадя, Вадя... Ведь это он главный инициатор Укр<аинской> Ак<адемии> наук и... добился. Он под руководством акад<е-

мика> Вернадского[7] и устав составлял, а сам был в стороне...[8] Не веришь? Спроси у Вернадского, если тот вспомнить пожелает; работал и день, и ночь, это было его утешением, когда пришлось перенести свою кровать из спальни в кабинет, а в спальню внести кровать светлой памяти Егора[9]. Не перенес он смерти Егора. Ужасной трагедией душевной кончилась жизнь этого обаятельного человека. Целую

Подпись

<*Адрес на почтовой карточке*[10]*:*>

г. Елабуга (Татарской АССР)
Ул. Азина, д. 109.
Льву Борисовичу Модзалевскому
Адр<ес> отпр<авителя:> Москва. Ул. Чернышевского 2/1 кв. 17
Жданович

---

[1] Н. Л. Энкель.

[2] 3 марта 1943 г. А. Я. Жданович, служивший с декабря 1942 г. в дивизионной разведке, был ранен в грудь в ночном поиске, прооперирован и отправлен в госпиталь на Урал; однако, не желая ехать на восток, все дальше от дома и фронта, он самовольно покинул эшелон в Москве и вынужден был устраиваться в госпиталь в родном городе; безуспешно пытался найти воинскую часть, в которую был направлен после излечения; в конечном итоге был направлен Московским горкомом комсомола в Бакинское военно-морское подготовительное училище. См.: *Жданович А. Я.* Холодное утро. С. 328—360.

[3] В начале войны все дети Л. Б. Модзалевского, кроме новорожденной Людмилы, были эвакуированы из Ленинграда: Елена, Ипполит и Татьяна в конце концов оказались в детском доме-интернате в с. Степное (Кочкарский р-н Челябинской обл.), а дети от брака с Н. Н. Модзалевской попали в интернат для сотрудников Академии наук в г. Тетюши Татарской АССР, откуда летом 1942 г. Л. Б. Модзалевский забрал старшего сына Бориса, который в ноябре 1943 г. был призван в армию. С апреля 1943 г. Л. Б. Модзалевский находился в Казани, в то время как его жена осталась учиться в Елабуге, в эвакуированном Воронежском университете; в 1944 г. она также переехала в Казань; тогда из детских домов смогли забрать и всех детей. Подробнее см.: *Модзалевская Т. Л.* Модзалевские: история семей пяти поколений. С. 140, 144—145.

[4] *Пок Иустин Иванович* (Justine Louis Poké; ок. 1850 — после 1909) — французский подданный, прибывший в конце 1860-х гг. в Харьков; кондитер. С конца 1880-х гг. — владелец кафе-кондитерской на Московской ул., 12 — одного из самых известных заведений подобного рода в городе, которое было также популярным местом встреч творческой интеллигенции; позже были открыты кафе-кондитерские на Сумской и Екатеринославской ул. В 1920-е гг. заведения перешли к торговой марке «Красный кондитер». См.: *Парамонов А.* Улицы старого Харькова // iknigi.net [Электронный ресурс] URL: https://iknigi.net/avtor-andrey-paramonov/181784-ulicy-starogo-harkova-andrey-paramonov/read/page-5.html (дата обращения: 24.03.2024).

[5] *Гершельман Владимир Константинович* (1880—1934) — военный инженер, генеалог, историк-любитель; друг семьи Модзалевских, особенно близок был с Вадимом Львовичем, с которым вместе учился в Николаевском инженерном воен-

ном училище. Окончил Петровский Полтавский кадетский корпус (1899), Николаевское инженерное военное училище (1902), Николаевскую военную академию (1911). Участвовал в Русско-японской и Первой мировой войнах, дослужившись до чина полковника (1917). Добровольно вступил в ряды Красной Армии (1918), включен в списки Генштаба РККА; в 1919—1926 гг. занимал должности в штабах ряда военных округов. В 1931 г. был арестован и приговорен к пяти годам исправительно-трудовых работ. О нем см.: Письма В. К. Гершельмана к Б. Л. Модзалевскому / публ. Н. Ю. Заварзиной и И. В. Сахарова // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1996 год. СПб.: Дмитрий Буланин, 2001. С. 533—534.

[6] *Модзалевская* (урожд. Гаева) *Александра Лаврентьевна* (1886 — после 1911) — старшая дочь квартирной хозяйки, у которой В. Л. Модзалевский снимал комнату в «Зверинце» — предместье Киева; первая жена В. Л. Модзалевского.

[7] *Вернадский Владимир Иванович* (1863—1945) — историк науки, геолог, минералог, кристаллограф, основатель геохимии, биогеохимии, радиогеологии, основоположник учения о ноосфере; адъюнкт (1906), экстраординарный академик (1908), академик (1912). В 1905—1918 гг. — член ЦК партии кадетов, был членом Государственного Совета (1906—1911). В ноябре 1917 г. ввиду угрозы ареста уехал из Петрограда и до весны 1920 г. жил на Украине (Полтава, Киев) и в Крыму. В мае 1918 г. возглавил в правительстве гетмана П. П. Скоропадского Комиссии по созданию Украинской Академии наук, по основанию академической Библиотеки, по высшим учебным заведениям и ученым учреждениям; под его руководством работал В. Л. Модзалевский. В октябре 1918—1919 гг. В. И. Вернадский возглавлял УАН; в октябре 1920 — начале 1921 г. был ректором Таврического университета в Симферополе. В апреле 1921 г. был избран директором Геологического и Минералогического музея Академии наук.

[8] В апреле 1918 г. В. Л. Модзалевский переехал из Чернигова в Киев. В 1918—1919 гг. он заведовал архивно-библиотечным отделом Министерства просвещения в правительстве гетмана П. П. Скоропадского, занимал должности начальника архивного управления и Всеукраинского главного архива как член культурно-просветительской комиссии при украинской всемирной делегации, под руководством В. И. Вернадского составлял проект устава Украинской Академии наук, занимая должность секретаря Комиссии для выработки законопроекта об основании УАН, был членом Комиссии по рассмотрению вопросов о гербе и печати Украинского государства, Киевского софийского комитета, Археографической комиссии при 1-м отделе УАН.

[9] Речь идет о семейной драме В. Л. Модзалевского. В апреле 1918 г. В. Л. Модзалевский вместе со второй женой Наталией Лаврентьевной (урожд. Гаева) приехали из Чернигова в Киев и поселились в квартире художника-графика, близкого друга В. Л. Модзалевского Георгия Ивановича Нарбута в д. № 11/9 на углу Георгиевского пер. и Стрелецкой ул. (дом не сохранился). Вскоре после этого Г. И. Нарбут оставил жену В. П. Кирьякову и стал неофициальным мужем Н. Л. Модзалевской, возложив на нее обязанности по воспитанию своих детей, Даниила и Марины; официально брак был оформлен осенью 1918 г. Я. Н. Жданович в воспоминаниях кратко описал неестественную и невыносимую для В. Л. Модзалевского ситуацию: «Тася — неофициальная жена Нарбута. Вадя в отставке, но оставлен при семье. Вадя в качестве шпиона за Верой Павловной. Вадя приставлен к детям Нарбута не допускать к ним мать. Тася в роли жены. Тася в роли матери детей Нарбута. “Я — ваша мама, то была ваша гувернантка”». По настоятельным просьбам Г. И. Нарбута и В. Л. Модзалевского Я. Н. Жданович был шафером на свадьбе Нарбута с Н. Л. Модзалевской. См.: *Жданович Я. Н.* <Воспоминания о Б. Л. Модзалевском. 1944> // РО ИРЛИ, ф. 184.

[10] Штемпели: «Москва <нрзб.>»; «Елабуга ТАССР Елабуга. 7.8.43»; «Просмотрено Военной Цензурой 18565».

7

<Москва>, 30 сентября 1944 г.

30.IX.1944

Однажды я шел по Среднему проспекту В<асильевского> о<строва>. Был седьмой час вечера, солнце освещало еще желтеющую листву деревьев, было тепло точь-в-точь как вчера. Навстречу мне шла трогательная парочка «подручку»: Борис Львович и Варвара Николаевна (Ва́вочка). «Вы куда?» — «Домой, а Вы?» — «Мы гуляем. Какой прелестный вечер — бабье лето — сегодня Милуша[1] именинница, и я иду с Варюшей к О-Бон-Гу[2], кушать пирожные... Идемте вместе». — «Вы какие больше любите пирожные?» — спросила Варвара Николаевна. — «Я? Всякие». — «Ну, а все же», — допытывался Борис Львович. — «Наполеон». — «Я тоже очень люблю “Наполеон”...» — «Я — трубочки со сливками», — перебивала Варвара Николаевна. — «Отлично. Завтра всесветные бабьи именины[3], торты и пирожные (да какие!) кладут еще с вечера. Завтра к ним не подступишь. Ты какое выбираешь, Варюша?» — «С виноградом... нет, все же трубочку».

— Мы можем скушать сегодня по два пирожных, ты возьмешь себе трубочку и с виноградом, я с Жакобой «Наполеон» и... и... Вы какое возьмете еще, Жакоба? — «Микадо»[4].

— Я тоже хочу «Наполеон» и «Микадо», — перебивает Варвара Николаевна...

«Но тогда уже будет по четыре, заболит животик...» — «Ну ладно, я не возьму с виноградом...» — «Значит, съедим по три?» — «Ну, так и быть, по три. Жакоба, Вы какое еще возьмете, будем есть сегодня по три, сегодня Милушин день. Выбрали? Я иду в кассу, сколько всего, девять?»

— Сорок пять копеек, — говорит Варвара Николаевна. Борис Львович возвращается от кассы, берет Варвару Николаевну под руку и идет к выходу:

— Покушали?

— Ах, какие чудные сегодня пирожные, — отвечает Варвара Николаевна.

Я изумлен. Останавливаю, говорю, что плачу деньги я и угощаю я...

— Нет, нет, — отвечает Борис Львович, — мы уже скушали по три, больше не можем, заболит живот.

— Да постойте, — кричу я, — я плачу́... Но парочка выскочила из кондитерской.

— Мы каждый день, почти каждый день едим пирожные, — говорит Варвара Николаевна, — «вприглядку», так они гораздо вкуснее.

* * *

Вчера я случайно пересматривал перечень трудов твоего милого папы. Даже в мою конуру заглядывало солнце[5]. Был Людмилин день, и я вспомнил живого человека, обладавшего прекраснейшей душою. Я вспомнил, что он действительно очень любил пирожные и очень часто, как он уверял меня, ел их «вприглядку». У него было много ртов, а потому он позволял себе только один ежедневный расход: две копейки на вечёрку-биржёвку <так!>[6] у ограды какого-то сквера (сейчас позабыл, где), возвращаясь по дороге из Академии. Я сейчас получил твою открытку и крепко тебя обнимаю за твой «труд». Твоего дивного папы нет, и знай, что я тебя сильно люблю. Я буду очень рад, если ты сдержишь свое слово и в ноябре позвонишь мне. А у Мст<ислава> Ал<ександровича>[7] я так и не был. Все болел, или что-либо всегда мешало в четверг: то флюс, то ячмень на глазу, то боли в сердце... И я очень сожалею, что не смогу никак собраться. А тебя крепко целую.

Подпись

<Адрес на конверте[8]:>

Ленинград.
Вас<ильевский> остр<ов>. Тучкова наб. д. 2,
Институт литературы Академии наук СССР[9]
Льву Борисовичу Модзалевскому

---

[1] 16 (29) сентября — день памяти св. мученицы кн. Людмилы Чешской. «Милуша», видимо, — Л. Л. Брюн.

[2] Имеется в виду: «Au bon goût» — кондитерская, располагавшаяся по адресу: 1-я линия Васильевского острова, д. 36, в том числе в 1909—1914 гг., когда Я. Н. Жданович работал в Санкт-Петербурге. Возможно, описываемая встреча имела место в 1912 г. — Я. Н. Жданович тогда проживал по адресу: 5-я линия Васильевского острова, д. 34, — и его путь домой мог пролегать по Среднему проспекту.

[3] 17 (30) сентября — день памяти свв. мучениц Веры, Надежды, Любови и матери их Софии, который в народе назывался «всесветные бабьи именины» — т. е. всеобщий женский праздник; в этот день женщины не занимались тяжелым трудом, могли пожаловаться и поплакать о своей судьбе.

[4] Микадо — одно из классических пирожных, представляющее собой несколько рядов тонких коржей, прослоенных кремом.

[5] По воспоминаниям Н. Я. и А. Я. Ждановичей, их комната на Покровке находилась в бельэтаже, окна почти упирались в стену пятиэтажного дома, поэтому в ней и в мирное время почти всегда приходилось включать свет. В годы войны жилище превратилось в «темный карцер» — стекла, выбитые взрывной волной, Я. Н. Жданович собственноручно заколачивал фанерой, электричества часто не было — жили в основном при свете лампы-коптилки. См.: Семейный архив Н. А. Ждановича и Т. А. Дергачевой (*Жданович Н. Я.* Наш дом); *Жданович А. Я.* Холодное утро. С. 88, 92.

[6] Имеются в виду «Биржевые ведомости» — ежедневная коммерческая, политическая, литературная газета, издававшаяся с 1861 г. в Санкт-Петербурге; с 1902 г.

выходила дважды в день — утром и вечером; ее редакторами и издателями были С. М. Проппер, В. А. Бонди, И. И. Ясинский и др.

[7] Имеется в виду *Цявловский Мстислав Александрович* (1883—1947) — литературовед, пушкинист, доктор филологических наук (1940); один из организаторов работ по изучению жизни и творчества А. С. Пушкина; участвовал во всех значительных изданиях сочинений поэта, в том числе был одним из разработчиков принципов издания академического Полн. собр. соч. А. С. Пушкина в 16 т., членом его редакционного комитета. В октябре 1941 г. с эшелоном Союза писателей Цявловские уехали из Москвы в Ташкент, где М. А. Цявловский читал лекции по истории русской литературы XIX в. в эвакуированном ИМЛИ; в Москву супруги вернулись вместе с институтом 15 июня 1943 г. По воспоминаниям Н. Я. Жданович, ее отец начал «бывать» у ученого во время Великой Отечественной войны — т. е. не раньше лета 1943 г. См.: Семейный архив Н. А. Жданович и Т. А. Дергачевой (*Жданович Н. Я.* Наш дом); *Цявловский М.* Записки пушкиниста / вступ. ст. К. П. Богаевской // Пути в незнаемое: писатели рассказывают о науке. М.: Сов. писатель, 1990. Вып. 2. С. 521.

[8] Штемпели: «СССР <нрзб.> Ленинград 164. <нрзб.> 10.44.17»; «Просмотрено Военной Цензурой 18619».

[9] В мае 1944 г. Л. Б. Модзалевский возвратился из Казани в Ленинград и приступил к организации работы Рукописного отдела ИРЛИ; в город вернулись и Е. А. Модзалевская с детьми и матерью В. Н. Фаворской.

8

<Москва>, 11 мая 1945 г.

11.V.1945

Сегодня день рождения молодого месяца, а в эфире ужасно подло, главное холодно. Ты мне не звонишь, тем более я стесняюсь звонить к Ц<явловскому>. Впрочем, позавчера или вчера решился-таки — ты уехал за билетом[1].

Ты не всегда бываешь благоразумным, и это меня удручает очень; просто жаль и досадно... потому что глупо.

Милый Лёвушка, все-таки, если ты еще не умер — черкни мне, в чем же дело? Эскулапы сказывают, что легкие у тебя в порядке, и я очень благодарен эскулапам; но я все же очень прошу тебя проследить и за эскулапами, и за легкими, просветись[2], чтобы отбросить одно возможное. Не думаю, что бывшее воспаление среднего уха может держать с<уб>фебрильную температуру. Просвечивание может отбросить и подозрение на сердечные изменения, тогда путем Роэ[3] все же можно доползти и до главного очага. И еще просьба: если останешься живым и оправишься, как ты сказывал мне, от бани, — все же время от времени проследи утреннюю, дневную и вечернюю температуру. Я знаю, к работе ты горяч, но все же по температуре можно [будет] легче привести тебя в сознание и чувства. Ты не сердись на меня, родной мой, и постарайся в точности выполнить мою просьбу. Ведь твои же просьбы я выполняю?

Ну, будь здоров, милый, и напиши мне, в чем дело.

Подпись

<Адрес на письме-треугольнике[4]:>

Ленинград
Вас<ильевский> остров. Тучкова наб. д. № 2,
Институт литературы Академии наук СССР
Льву Борисовичу Модзалевскому

---

[1] Письмо написано во время приезда Л. Б. Модзалевского по рабочим делам в Москву, когда он остановился в квартире Цявловских.

[2] Имеется в виду рентгенография грудной клетки.

[3] Анализ крови на РОЭ, т. е. на реакцию оседания эритроцитов.

[4] Штемпели: «СССР Ленинград В<асиле>островский 17.5.45.16»; «СССР Ленинград 164. 17.5.45.16»; «Просмотрено Военной Цензурой 17895».

9

<Москва>, 13 августа 1945 г.

13.VIII.1945.

Скверное перо, отвратительные чернила и несносная бумага, и я пишу профессору карандашом[1]. Это и неприлично, и не учтиво обременять глаза друга; но я знаю, что ты незлоблив. Ты просил меня писать тебе клочки воспоминаний, но сколько не собирался — не мог. Как сяду писать, поставлю кляксу, вспомню финляндскую бумагу[2] или Паскевича № 5[3], — тотчас же бросаю.

Вчера я зашел к приятелю и земляку моему — черниговцу Л. Н. В. юрист<у>[4]. Когда-то я познакомил его с Вадей, и он погиб. Я думал, что революция, погубившая собранную им коллекцию уников, его излечит, но бедный В. погиб окончательно, бесповоротно. В его двух комнатах в Москве тесно и нет воздуха от сотен, а может и тысячи уников и раритетов... Слава Аллаху — рукописей не любит, и их нет. Я люблю сидеть на его диване красного дерева, гарнитур которого он купил у Вади по его переезде в Киев.[5] На днях он поймал прекрасную миниатюру знаменитого Архарова, заплатил в магазине 750 р<ублей>. Я рассказал ему, что Архаров был женат на Римской-Корсаковой[6] (теперь он сходит с ума, ищет ее портрет), что у него была дочь за Васильчиковым[7]; что у сына Васильчикова[8] был репетитором Н. В. Гоголь; две дочери вышли замуж за Баранова и кн<язя> Черкасского[9]. Я уверен, что миниатюра перешла в род Васильчиковых, а затем попала к дочкам Барановых (Черкасский был бездетным) — Лопухиным[10] или вернее, к крестнице внучке Екат<ерине> Павл<овне> Хрептович-Бутеневой[11]. Что последняя, когда бежала за границу, передала сестре Александре Павловне[12] вместе с знаменитым альбомом автографов, который мне посчастливилось купить для Инс<титу>та за 15 т<ысяч> рублей (неопубликованное письмо Пушкина к родным, «Ашик-Кериб» Лермонтова[13], неизвестные письма и известные рукописи Гоголя и сотни других)[14]. Ее дочка Анна Серг<еевна> за кн<язем> Голицы-

ным, что живет в Дмитрове[15]. Мамаша Анны Серг<еевны>[16] умерла в 1934 г. Мне ужасно обидно, что эта «неизвестная» миниатюра очутилась в магазине вырванной из целой коллекции Архаровых (брата)[17], Васильчиковых, Лопухиных, Черкасских, Барановых, Бутеневых, Голицыных. Черкасский ведь умер уполн<омоченным> Красного Креста в 1878 г. на войне в Румынии[18], его портрет написан не то Крамским или другим знаменитым художником[19], о чем я читал в письмах (неизданных) Черкасского. Часть из этой коллекции была издана Ник<олаем> Мих<айловичем>[20]. Четыре портрета [и две акварели] из этой коллекции и, кстати, две акварели Лермонтова, я просил Марию Антоновну Вас. (она была за Родзянко)[21], красавицу, с которой подружился в Ялте, свезти к твоему папе для Пушкинского дома. В 1925 г. она приезжала в Москву, была у меня, но, к сожалению, мы жили на даче во Влахернской[22], но из оставленной записки понял, что она поехала в Ленинград. Но где же портреты славянофилов, друзей кн<язя> Черкасского (тоже славянофил)[23]. Милый мой! В альбоме Васильчиковой оказался локон волос Гоголя, который срезал Черкасский с мертвой головы. Я заделал его в нумерацию инвентаря рукописей... Мне орали: выбросить эту дрянь, а сейчас кричавшие и ненавидевшие меня там боги, в их руках весь архив. Если не выбросили после меня — выцарапай локон Гоголя в Пушкинский Дом[24], ведь там я видел и локон Пушкина[25].

Сидели мы с Л. Н. и вспоминали Вадю. Кратко и запишу этот разговор.

«Когда он умирал, я был в Киеве. Он прислал за мной. Я боялся пойти к нему, т<ак> к<ак> он умирал от дизентерии, боялся заразиться, все же не мог не пойти. Оказывается, он позвал меня написать ему духовную. Мне было чудно, что он диктует о Гари Луж<ского> уезда[26] и других предметах, которые не выполнимы, что он верит в то, что его воля будет исполнена. Все, конечно, завещано этой вульгарной Тасе[27]. Когда дошли до библиотеки, я удивился ужасно: как-так? Он мне ответил: да, это факт... Она сейчас приехала ко мне в Киев, я живу здесь, но у меня другая семья, жду ребенка[28]. Нат<алия> Лав<рентьевна> ревнует и устраивает мне сцены, и никак не может примириться с тем, что у меня другая семья. Егор Нарбут умер[29], она снова на старом месте, но ребенок будущий, очевидно, связывал, и он отдавал в завещании все ей, лишь бы отвязалась». Самое ужасное, что осталось в воспоминании Л. Н., это то, что у постели умирающего она кокетничала, строила ему (Л. Н.) глазки, делала всевозможные намеки, что ужасно неприятно действовало на умиравшего. Когда он умер, она несколько раз подъезжала к нему, видимо, считая его состоятельным человеком. Вот коротко передаю его рассказ. Со смерти Вади я встречал его тысячу раз и впервые это услыхал только вчера. Я вспомнил, что, действительно, духовная была составлена Л. Н. Я читал духовную... Как я не вспомнил этого раньше, к<а>к это могло вылететь

из моей головы? Ведь это ужасно, Лёвушка! Если бы этот рассказ Л. Н. я услыхал в 1921, 22, 23, даже 25 году и даже 26, 27 годах, я мог бы разыскать «другую семью» Вади. Я, со слов Брике[30], о котором говорил тебе, помню, будто у нее был мальчик, а может теперь я все путаю... Но тогда меня спутали академики и друзья Вади: «Мало ли от кого ждет эта баба ребенка, просто шантажирует после смерти, нам он ничего не говорил о ней». Ужасно то, что я не наводил Л. Н. на духовную, на его последнюю встречу с умирающим и тем более ни словом не намекнул о его связи. Он сам мне выпалил в своем рассказе: «Теперь у меня другая семья, жду ребенка». Я более всего сожалею, что судьба не довела меня быть при его смерти, разлучила нас за полтора года. Теперь я знаю твердо, что будь я в Киеве — не было бы и духовной в пользу Н<аталии> Л<аврентьевны>, и я опекал бы его ребенка, которого ввел бы в семью твоего папы. А теперь мы ничего не знаем, даже имени его семьи. Л. Н., конечно, не помнит, сохранился ли архив Вади в киев<ской> Акад<емии> наук[31], вряд ли в архиве могла сохраниться духовная — она была в руках у Н<аталии> Л<аврентьевны>.[32]

Мне хотелось бы, чтобы при случае, когда будешь в Москве, ты посидел бы на диване или в кресле Вади... Кажется, эта мебель красного дерева была у него и на Вас<ильевском> острове, ты вспомни. Но когда теперь занесет нелегкая тебя в Москву!

* * *

В сентябре этого года исполнится ровно 40 лет, как я впервые пришел на дачу на Зверинце познакомиться с Вадей[33].

Каштановые и ореховые густые деревья, глубокая тень после яркого солнца улицы; форменные брюки и белая рубашка с украинской голубого цвета вышивкой, синий пояс (после смерти сносил этот пояс я)[34]. Прелестная голова, прелестное лицо, очаровательные глаза...

А потом будет его работа, в которую он был влюблен; его игра на рояле «Князь Игорь» (дудошники) «Князь Игорь»[35].

Потом позже, через месяц, знакомство и первая встреча с твоим папой[36]; потом целая эпоха... Сейчас только карточка с кошечкой[37], диван и кресла у Л. Н. В. и больше ничего, даже могилы его для нас нет, она утеряна[38].

Ну, а тебя я крепко обнимаю и целую! Супруге[39] шлю привет, желаю ей здоровья, бодрости и много детей. В последнем порукой пусть будет почтовая марка[40]. Привет и всем твоим славным ребятам[41]. Целую

Подпись

<Адрес на письме-треугольнике[42]:>
Ленинград
Васильевский остр<ов>.
Тучкова наб. д. 2,
Институт литературы Академии наук СССР
Льву Борисовичу Модзалевскому

[1] Письмо, за исключением адреса, написано простым карандашом.

[2] В конце XIX — начале XX в. на территории Великого княжества Финляндского работали различные предприятия по производству бумажной продукции: «АО И. К. Френкель и сын» (г. Таммерфорс — совр. г. Тампере), «Таммерфосское АО», бумажная фабрика «Торнатор» (г. Выборг), «АО “Нокиа”», картонные фабрики «Кюммене», «Лиллиус и Херуберг».

[3] Бумага, производившаяся на Добрушской писчебумажной фабрике кн. Паскевича (совр. Белоруссия).

[4] Возможно, *Вихман Лев Николаевич* (1880 — ок. 1958) — юрист; окончил юридический факультет Университета св. Владимира (1903), в 1903—1908 гг. служил помощником присяжного поверенного, с 1909 г. — присяжным поверенным Черниговского окружного суда; с 1918 г. работал юрисконсультом в разных учреждениях, в том числе с 1922 г. — в Москве: в ВСНХ СССР, Московском уездном исполнительном комитете советов; с 1929 г. — член Московской коллегии защитников. Был женат на представительнице малороссийского дворянского рода *Марии Владимировне Покорской-Жоравко* (1880 — после 1962) — учительнице, занимавшейся статистическим учетом; сын — *Георгий Львович Вихман* (1902—1977) — инженер, специалист в области нефтяного машиностроения, лауреат Ленинской премии (1963). В 1920—1930-е гг. Л. Н. Вихман проживал в центре Москвы по адресу: Лопухинский пер., д. 1, кв. 16. На сегодняшний день следов его коллекции, за исключением, возможно, миниатюрного портрета И. П. Архарова, обнаружить не удалось (см. прим. 6 к наст. п.).

[5] Я. Н. Жданович так описывал обстановку отдельного флигеля здания черниговского Дворянского собрания, который занимал В. Л. Модзалевский: «Все комнаты были обставлены прекрасной мебелью — старинной, красного дерева или карельской березы. Стены увешаны картинами, гравюрами, миниатюрами. Огромного размера кабинет в три окна фасада на улицу был уютен и производил впечатление тесного; зимою здесь всегда топился камин. При входе в кабинет сразу нельзя было сообразить: кабинет ли это или музей, или антикварный магазин. Все стены до отказа были увешаны портретами. Шкафы красного дерева уставлены старинным серебром, фарфором, стеклом. Стоял даже стенд с миниатюрными портретами. Огромный стол красного дерева был завален книгами и работами Вадима. Библиотека помещалась в прекрасных шкафах и на полках в “передних” комнатах» (*Жданович Я. Н.* <Воспоминания о Б. Л. Модзалевском. 1944>). В. Л. Модзалевский переехал из Чернигова в Киев в апреле 1918 г.

[6] *Архаров Иван Петрович* (1744—1815) — генерал от инфантерии, московский военный генерал-губернатор (1796—1797); был женат вторым браком (с 1790 г.) на *Екатерине Александровне Архаровой* (урожд. *Римская-Корсакова*; 1755—1836). Возможно, миниатюрный портрет И. П. Архарова, о котором идет речь, в наст. время хранится в Музее-усадьбе «Останкино». См.: Arhivogram [Электронный ресурс] URL: https://archivogram.top/30240795-portret_ivana_petrovicha_arharova_miniatyura (дата обращения: 17.03.2024). В собрании Гос. Третьяковской галереи находится портрет Е. А. Архаровой кисти В. Л. Боровиковского (Ж-717). См.: Виртуальная галерея // Моя Третьяковка [Электронный ресурс] URL: https://my.tretyakov.ru/app/masterpiece/22105 (дата обращения: 16.03.2024).

[7] *Васильчикова* (урожд. Архарова) *Александра Ивановна* (1795—1855) — младшая дочь И. П. Архарова от второго брака. Была замужем за *Алексеем Васильевичем Васильчиковым* (1776—1854) — действительным статским советником, сенатором; дипломатом. Ее миниатюрный портрет в наст. время хранится в Гос. Историческом музее (И V 1186, ГИМ 67871). См.: Гос. каталог Музейного фонда РФ [Элек-

тронный ресурс] URL: https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=41075495 (дата обращения: 17.03.2024).

[8] *Васильчиков Василий Алексеевич* (1825—1861) — старший сын А. В. и А. И. Васильчиковых, с детства страдавший слабоумием; несколько месяцев 1831 г., в Павловске, его гувернером был Н. В. Гоголь. См. подробнее: *Вересаев В. В.* Гоголь в жизни: систематический свод подлинных свидетельств современников. Л.: Academia, 1933. С. 100—102.

[9] *Баранова* (урожд. Васильчикова) *Анна Алексеевна* (1823—1890) — старшая дочь А. В. и А. И. Васильчиковых; была замужем (с 1845 г.) за *Павлом Трофимовичем Барановым* (1814—1864) — графом (с 1846 г.); генерал-лейтенантом, тверским губернатором в 1857—1862 гг.; в браке родились двое сыновей и четыре дочери. *Черкасская* (урожд. Васильчикова) *Екатерина Алексеевна* (1825—1888) — была замужем (с 1850 г.) за *Владимиром Александровичем Черкасским* (1824—1878) — князем; общественным и политическим деятелем, славянофилом, активным участником подготовки крестьянской реформы 1861 г.

[10] *Лопухина* (урожд. Баранова) *Александра Павловна* (1854—1934) — дочь П. Т. и А. А. Барановых; фрейлина (1872); умерла в эмиграции; была замужем (с 1878 г.) за *Сергеем Алексеевичем Лопухиным* (1853—1911) — тайным советником, сенатором (1907); С. А. Лопухин был участником Русско-турецкой войны 1877—1878 гг., после нее перешел в судебное ведомство; поддерживал дружеские отношения с Л. Н. Толстым. В конце 1905 г. являлся кандидатом на пост министра юстиции в кабинете графа С. Ю. Витте, однако не получил его.

[11] *Хрептович-Бутенева* (урожд. Баранова) *Екатерина Павловна* (1858—1945) — дочь П. Т. и А. А. Барановых, фрейлина (1876); была замужем за *Константином Аполлинарьевичем Бутеневым* (1848—1933) — лейтенантом военно-морского флота в отставке, публицистом, переводчиком, автором исторических сочинений; в 1899 г. он получил титул графа и право носить двойную фамилию *Хрептович-Бутенев*; оба супруга умерли в эмиграции. Подробнее о семье Хрептовичей-Бутеневых и их потомках см.: *Бутенев М. А.* История старой русской дворянской семьи: хроника семьи Бутеневых. М.: Паломник, 2002. 223 с.

[12] А. П. Лопухиной. См. прим. 10.

[13] *Лермонтов М. Ю.* Ашик-Кериб: турецкая сказка. В наст. время: РО ИРЛИ, ф. 524, оп. 1, ед. хр. 53, л. 1—6 об. Рукопись была передана из ИМЛИ в 1951 г.

[14] Имеется в виду альбом А. И. Васильчиковой. См. прим. 3 к п. 3.

[15] *Голицына* (урожд. Лопухина) *Анна Сергеевна* (1880—1972) — старшая дочь С. А. и А. П. Лопухиных; была замужем за *Михаилом Владимировичем Голицыным* (1873—1942) — князем; старшим сыном московского губернатора В. М. Голицына, общественным и политическим деятелем. М. В. Голицын окончил Поливановскую гимназию, затем юридический факультет Московского университета; был управителем принадлежавшего его дяде А. М. Голицыну имения Бучалки Епифанского уезда Тульской губ. (в наст. время — Кимовский р-н Тульской обл.), где неоднократно избирался уездным предводителем дворянства (1895—1911 или 1897—1906); в начале 1900-х гг. вместе с отцом активно выступал за принудительное отчуждение помещичьих земель в губернии, занимался делами земства. После 1917 г. подрабатывал в Богородицком уездном отделе образования и отделе народного здравоохранения. Голицыны переехали в г. Дмитров в начале 1930-х гг.

[16] А. П. Лопухина.

[17] *...Архаровых (брата)...* — Я. Н. Жданович подчеркивает, что речь идет об И. П. Архарове (см. прим. 6 к наст. п.), а не о его старшем брате *Николае Петровиче Архарове* (1742—1814) — генерале от инфантерии (1796); московском обер-по-

лицмейстере (1775—1779), московском (1880—1884) и петербургском (1796—1797) генерал-губернаторе.

[18] В. А. Черкасский умер 19 февр. 1878 г. в пригороде Стамбула Сан-Стефано — в день и в месте подписания Сан-Стефанского мирного договора, завершившего Русско-турецкую войну 1877—1878 гг.

[19] В наст. время портрет кн. В. А. Черкасского кисти И. Н. Крамского (1879) хранится в коллекции отдела изобразительных материалов Гос. Исторического музея (И I 2113, ГИМ 72303). См.: Экспонаты // Государственный Исторический музей. [Электронный ресурс] URL: http://catalog.shm.ru/entity/OBJECT/3009365?page=11&sort=110&fund=12&index=1007 (дата обращения: 23.02.2024). В Рукописном отделе Пушкинского Дома отложились два письма художника к кн. Е. А. Черкасской (30 окт. и 6 нояб. 1880 г.), касающиеся отправки ей двух портретов (большого и маленького) В. А. Черкасского. См.: РО ИРЛИ, р. III, оп. 2, ед. хр. 1919 и 1920, 4 л.

[20] Речь идет о семейном собрании Васильчиковых, из имения Кораллово (Московская губ.). Несколько портретов из этого собрания вошли в многотомное издание вел. кн. Николая Михайловича (СПб., 1905—1909. Т. I—V), например, уже упомянутый портрет Е. А. Архаровой кисти Боровиковского, миниатюрные портреты Е. А., Н. П. и И. П. Архаровых, А. В. и А. И. Васильчиковых и др. См.: Русские портреты XVIII и XIX столетий. СПб.: Экспед. загот. гос. бумаг, 1905. Т. I. №№ 9, 59—61. С. LV; СПб., 1907. Т. III. №№ 206—207. С. С. В составлении текстов биографических очерков, помещенных в издание, принимал участие и Б. Л. Модзалевский.

[21] Возможно, Я. Н. Жданович ошибся в имени, и речь идет о *Родзянко* (урожд. Новосильцова) *Тамаре Антоновне* (1881—1938) — фрейлине двора (1901), дочери генерала А. В. Новосильцова (1850—1923); в 1-м браке она была замужем за полковником *Павлом Павловичем Родзянко* (1880—1965; племянник председателя Государственной Думы М. В. Родзянко; умер в эмиграции). Была арестована в Ленинграде в 1935 г. и осуждена как «социально опасный элемент» на 5 лет ссылки; срок отбывала в Куйбышеве, где была повторно арестована в 1937 г. и приговорена к высшей мере наказания; расстреляна в 1938 г. См.: Бессмертный барак. [Электронный ресурс] URL: https://bessmertnybarak.ru/books/person/51610/ (дата обращения: 23.02.2024).

[22] Влахернская — ж/д станция в 12 км от г. Дмитрова, открытая в 1901 г. и получившая название по Спасо-Влахернскому монастырю; в 1936 г. была переименована в платформу «Турист»; в наст. время — остановочный пункт в пос. Деденево Дмитровского гор. округа Московской обл.

[23] В. А. Черкасский сблизился со славянофилами в начале 1850-х гг. в Москве; его жена разделяла и активно проводила в жизнь соответствующие взгляды. В наст. время в коллекции отдела изобразительных материалов ГИМ хранится портрет Ю. Ф. Самарина кисти И. Н. Крамского (1877; И I 2090, ГИМ 72291). См.: Экспонаты // Государственный Исторический музей. [Электронный ресурс] URL: https://catalog.shm.ru/entity/OBJECT/3009109?query=%D0%BA%D1%80%D0%B0%D0%BC%D1%81%D0%BA%D0%BE%D0%B9&index=37 (дата обращения: 23.02.2024). В Гос. Третьяковской галерее хранятся выполненные художником портреты С. Т. Аксакова (1878; Инв. 673) и П. И. Мельникова (1876; Инв. 667), на которого оказали влияние взгляды славянофилов.

[24] В наст. время в постоянной экспозиции Литературного музея ИРЛИ находится локон волос Н. В. Гоголя (светло-коричневого цвета, в овальной бронзовой рамке), который был передан из ИМЛИ (из коллекции А. С. Голицыной) в 1951 г.

[25] В наст. время в постоянной экспозиции Мемориального музея-квартиры А. С. Пушкина (Санкт-Петербург, наб. реки Мойки, д. 12) находится локон волос А. С. Пушкина, срезанный с его головы по просьбе И. С. Тургенева.

[26] Гари (Ивановское) — деревня, родовое имение Модзалевских в Узьминской волости Гдовского уезда Петербургской губ., располагалась в примерно 85 км от уездного города, на дороге между деревнями Узьмино и Зовка; ныне не существует; деревня состояла в приходе церкви свт. Николая Чудотворца (Быстреевский погост). В наст. время территория прежнего Быстреевского погоста большей частью входит в состав Струго-Красненского района Псковской обл. Церковь сохранилась, действует, находится в д. Гаврилова Гора Марьинской волости; у северной стены церкви похоронен Л. Н. Модзалевский вместе со своими родителями, братьями и сестрами.

[27] Н. Л. Модзалевская, вторая жена В. Л. Модзалевского.

[28] Речь идет о *Прокопчуковой Ефросинье Онуфриевне*

[29] *Нарбут Георгий Иванович* (1886—1920) — художник-график; близкий друг Я. Н. Ждановича и В. Л. Модзалевского, с которыми познакомился в Петербурге в 1912—1913 гг. Помогал Я. Н. Ждановичу в оформлении отдела «Малороссия» Ломоносовской выставки. В 1913—1914 гг. работал в редакции журнала С. Н. Тройницкого «Гербовед». После Февральской революции стал членом Особого совещания по делам искусств при Временном правительстве. Переехав в Киев, стал одним из инициаторов основания в 1917 г. Украинской Академии искусств и профессором графики в ней, с 1918 г. — ее ректором. Умер 23 мая 1920 г. в Киеве. См. о нем: *Белецкий П. А.* Георгий Иванович Нарбут. Л.: Искусство, 1985. 238 с.

[30] *Брике Иван Андреевич* — до революции служил мажордомом у В. А. Мусина-Пушкина — черниговского губернского предводителя дворянства (1915—1917). Я. Н. Жданович в воспоминаниях назвал его «мой завхоз», так как в 1922 г., работая в Черниговском Губархе, жил в квартире В. Л. Модзалевского. См.: *Жданович Я. Н.* <Воспоминания о Б. Л. Модзалевском. 1944>.

[31] В наст. время личный архив В. Л. Модзалевского хранится в Центральном государственном архиве Украины (ф. 856) и в Институте рукописи Национальной библиотеки им. В. И. Вернадского (ф. XII; ф. I, № 6528, 11967—12222; ф. II, № 15591—19007, 24918—24947, 27507, 27537—27574, 27645—27697; ф. III, № 31838—35282). См.: Особові архівні фонди Інституту рукопису: путівник / Національна академія наук України, Національна бібліотека України ім. В. І. Вернадського, Інститут рукопису. Київ, 2002. С. 371—375.

[32] В Институте рукописи Национальной библиотеки им. В. И. Вернадского отложился более ранний вариант завещания В. Л. Модзалевского, датированный 2 нояб. 1911 г. На момент составления этого документа В. Л. Модзалевский еще не добился развода от первой жены — Александры Лаврентьевны, но уже состоял в фактическом браке с ее младшей сестрой Наталией. Очевидно, данное завещание должно было защитить интересы Вадима Львовича и его новой супруги. Один из пунктов гласил: «4) Библиотеку мою, касающуюся истории Малороссии и генеалогии, завещаю передать после моей смерти в дар Музею Украинских древностей В. В. Тарновского Черниговского Губернского Земства; остальную же часть завещаю моей жене Наталии Лаврентьевне Гаевой (Гаевской), с тем, что она может распорядиться ею по своему усмотрению» (цит. по: *Кривошея О. В.* Духовний заповіт Вадима Львовича Модзалевського як джерело до духовної історії інтелігенції // Наукові записки Вінницького державного педагогічного університету ім. М. Коцюбинського. Серія Історія: збірник наукових праць. 2008. Вип. XIV. С. 31). В 1920 г. ситуация повторилась: завещание было призвано удовлетворить притязания Н. Л. Модзалевской; однако по поводу судьбы библиотеки и архива

ученого Я. Н. Жданович конспективно писал в 1944 г. следующее: «Духовное завещание, оставленное Вадимом. Сонаследница, которой отписана стоимость всей его библиотеки и архива. Черниговская крестьянка N. Ее претензия к Академии наук; она ожидает ребенка. “Сын Вадима Львовича”. Непризнание его киевскими учеными. Получает деньги от Академии, купившей библиотеку и архив». Таким образом, Вадим Львович стремился обеспечить будущее своего ребенка, завещав его матери, Е. О. Прокопчуковой, деньги от продажи своих бумаг и обширного книжного собрания. В 1921 г., вернувшись в Киев, Я. Н. Жданович, ради памяти любимого друга, отстаивал финансовые интересы Н. Л. Модзалевской, несмотря на стойкую к ней неприязнь. Он писал Л. Б. Модзалевскому, что после смерти его дяди «вся квартира, со всем содержимым имуществом, на Георгиевском <была> “национализирована”». И далее: «Отстаиваю права Таси на часть имущества ее и Вади. Отстоял все серебро, современное и старинное, и ее вещи. Холодное отношение ко мне киевских ученых: “Но мы все считаемся с Вашей прямотой и расцениваем Ваш поступок как любовь к Вадиму Львовичу, что никто из нас сделать не мог. В память Вадима можно сделать даже эту гадость, мы Вас не осуждаем, но досадуем, что ей повезло с Вашим приездом”. Я увожу семью и Тасю в м<iсто> Любечь, Черн<иговской> губ<ернии>, через два м<еся>ца ее выгоняю» (*Жданович Я. Н.* <Воспоминания о Б. Л. Модзалевском. 1944>).

[33] Знакомство Я. Н. Ждановича и В. Л. Модзалевского состоялось в сентябре 1905 г. Подробнее см.: *Модзалевская Т. Л.* 1) Вадим Львович Модзалевский (1882—1920). С. 11—12, 15, 19; 2) Борис Львович Модзалевский (1874—1928). СПб.: Лема, 2012. С. 47. «Зверинец» — историческая местность на территории Печерского района г. Киева; в начале XX в. — предместье Киева с городскими строениями, в которых квартировали саперные и понтонные полки, летом жили бедные чиновники и офицеры-саперы; там же было расположено учебное саперное поле с фортификационными укреплениями. В. Л. Модзалевский жил в «Зверинце» в 1903—1905 гг.

[34] Ср.: «...Передо мной стоял мужчина в офицерских штанах, поверх которых была надета белая украинская сорочка, шитая голубым узором и повязанная синим шнуром с кистями... Глаза Вадима кротко улыбались, прекрасные, голубые и яркие на фоне каштановых волос на голове и бороды» (цит. по: *Модзалевская Т. Л.* Вадим Львович Модзалевский (1882—1920). С. 11). Голубой гладью рубашки В. Л. Модзалевскому вышивала его первая жена Александра Лаврентьевна.

[35] «Князь Игорь» — опера А. П. Бородина в 4-х действиях с прологом; после смерти композитора в 1887 г. по его записям работу над неоконченной оперой завершили А. К. Глазунов и Н. А. Римский-Корсаков (1890). Под «дудошниками» имеется в виду: «Песня гудочников, сцена и хор» (действ. IV).

[36] Знакомство с Б. Л. Модзалевским состоялось поздней осенью 1905 г.

[37] Фотография В. Л. Модзалевского, о которой идет речь, была сделана в 1915 г. Я. Н. Жданович подарил ее Л. Б. Модзалевскому в 1945 г. На ней имеется дарственная надпись: «Аристократ духа, старой Украины неистовый страж. Племяннику от друга в память встречи. 5.V.1945 г. <Подпись>». В наст. время данная фотография хранится в архиве Т. Л. Модзалевской; была опубликована: *Модзалевская Т. Л.* Вадим Львович Модзалевский (1882—1920). С. 124.

[38] В. Л. Модзалевский был похоронен на Байковом кладбище г. Киева; могила утрачена.

[39] Имеется в виду *Модзалевская* (урожд. Фаворская, в 1-м браке Брюн) *Евгения Алексеевна* (1909—1983) — геолог, канд. геолого-минерал. наук (1951); вторая жена Л. Б. Модзалевского. Находясь в эвакуации в Елабуге, поступила на почвенно-геологический факультет Воронежского гос. университета, затем перевелась

в Казанский университет и завершила высшее образование в Ленинградском университете; была оставлена в его аспирантуре на кафедре палеонтологии. После защиты диссертации стала старшим научным сотрудником отдела стратиграфии и палеонтологии Всесоюзного научно-исследовательского геологического института (ВСЕГЕИ). О ней подробнее см.: *Модзалевская Т. Л.* Модзалевские: история семей пяти поколений. С. 144—153.

[40] Почтовая марка утрачена.

[41] О детях Л. Б. Модзалевского см. прим. 1 к п. 4.

[42] Штемпели: «СССР Москва Почтамт 9 эксп. <нрзб.>45.19»; «СССР Ленинград <нрзб.> 15.9.<45>»; «Просмотрено Военной Цензурой 15355».

10

<Москва>, 10, 13 апреля 1946 г.

10.IV.1946

Здравствуй, милый, дорогой! Наконец, получил твое письмо, в конверте, во как! Прежде всего, долго дозванивался Обнорскому[1], а затем выяснил, что он и вовсе не живет в гост<инице> «Москва», а где-то в Москве-городе столице, но где же? Вот поди же! Эх, коли бы ты быстро умел отвечать. Дело в том, что я затеваю составить докладную записку о Льве Ник<олаевиче>[2], литературу, библиографию поднимать нет времени... Не назвал бы ты мне видных известных воспитанников и учеников Л<ьва> Н<иколаевича>, помимо, конечно, Ник<олая> Мих<айловича>[3], твоего отца, Георг<ия> Мих<айловича>[4], Вади и даже Нины Львовны[5]. Наверное, имена есть, а я (халява́), их и не знаю. Нужно спешить и успею ли я что сделать, чтобы зацепиться в Педаке <так!>[6]. Звонил Татьяне Григорьевне[7] (у них новый телефон). Мст<ислав> Ал<ександрович>[8] чувствует себя отлично и поправляется; по ее словам, все страшное прошло. Мне лично трудно поверить тому, что метастазы вдруг не выскочат в другом месте. Очень грустно и все же страшновато.

* * *

13.IV.1946.

Задержал на 3 дня это письмо, разыскивал Обнорского, но ни черта у меня не вышло. Время прошло и ни черта не сделано, с января ты молчал. Сведений об учениках Л<ьва> Н<иколаевича> не присылай, буду обходиться без них. Я думаю написать на днях докладную записку, а подаст ее авторитетное лицо, совершенно почтенное и со мною абсолютно не схожее. Н<ина> Л<ьвовна> обещает найти такового. Что выйдет — не знаю. Сделаю все, что могу, дабы совесть была чиста. Хотя шахматист ты изрядный и даже моего Андрея[9] обставляешь, который знает шахматы только немногим хуже дырявого сапога, — все же ты паршивый игрок, всю зиму вертел мне пуговку и только сейчас спасовал... А разгона во времени у меня нет и связи все давно оборваны. Ругаться нечего, надо что-то делать.

* * *

Когда будешь в Москве? Говорю тебе — Ц<явловско>го мне жаль, я мало знаком с ним и мало его знаю. Но он в моем представлении (между нами говоря), вроде князя Гремина[10], хотя и не изувечен, и грудь не покрыл свою звездами и лентами, и даже, хотя его и не ласкает двор, и ростом низок, но так-таки Гремин с «высоким» басом. У Гремина низкий бас, профундо, а он вроде баритона... Господь мне прости! Его сын[11] был большим другом Н<иколая> Ф<едорови>ча[12], и я замечал всегда, что Н<иколай> Ф<едорович> не любит папашу... И ему Господь судья! Целую тебя крепко

<Подпись>[13]

<Адрес на конверте[14]:>

Ленинград
Вас<ильевский> остров 1-я линия д. № 44 кв. 6
Льву Борисовичу Модзалевскому

---

[1] *Обнорский Сергей Петрович* (1888—1962) — филолог-лингвист, языковед; действительный член АН СССР (1939) и Академии педагогических наук РСФСР (1943). С 1915 по 1944 г. (с перерывами) преподавал в Петроградском (Ленинградском) университете; был инициатором создания Института русского языка АН СССР (г. Москва), где сначала являлся заместителем директора (1943), а затем директором (1944—1950).

[2] Возможно, это намерение Я. Н. Ждановича было связано с предстоящим 24 (12-го по ст. стилю) мая 1946 г. памятным днем — 50-летием со дня кончины Л. Н. Модзалевского — деда Л. Б. Модзалевского.

[3] *Николай Михайлович, вел. кн.* — см. прим. 6 к п. 5.

[4] *Георгий Михайлович, вел. кн.* — см. прим. 7 к п. 5.

[5] Н. Л. Энкель, тетя Л. Б. Модзалевского.

[6] Возможно, имеется в виду Московский гос. педагогический институт им. В. И. Ленина (в наст. время — Московский педагогический государственный университет).

[7] *Цявловская* (урожд. Зенгер) *Татьяна Григорьевна* (1897—1978) — литературовед, специалист по творчеству А. С. Пушкина; ученица, вторая жена (с 1930 г.) М. А. Цявловского.

[8] М. А. Цявловский.

[9] А. Я. Жданович, сын Я. Н. Ждановича. См. прим. 5 к п. 4.

[10] *Князь Гремин* — действующее лицо оперы П. И. Чайковского «Евгений Онегин», написанной на либретто композитора и К. С. Шиловского; премьера состоялась в 1879 г. в Москве. Князь — «ветеран русских войн, благосклонно принятый царским двором», супруг Татьяны.

[11] Имеется в виду *Цявловский Андрей Мстиславович* (1906—1926) — студент-востоковед; сын М. А. Цявловского от первого брака; трагически погиб — утонул во время купания в Москва-реке.

[12] Вероятно, Н. Ф. Бельчиков.

[13] Письмо написано простым карандашом.

[14] Штемпели: «СССР Москва Почтамт. 14.4.46.11»; «СССР Ленинград <нрзб.>. 17.4.46.20»; «Ленинград Почтамт 1 экспед. 17.4.46.17».

11

<Москва>, 3 мая 1946 г.

3.V.1946

Поздравляю тебя, милый мой, с прошедшими и наступающим праздниками: Пасхой[1], маем, победой. Посылаю тебе привет, поцелуй и книжку о Массанове[2] — может и пригодится. У меня зубы болят, в правом ухе ноет, а на душе каша... Как будто бы я виноват, что с юбилеем ничего не выходит[3].

Андрей[4] говорит, что ты хороший дядя, а этого мне только и надо. Он торопится в часть к отъезду и дает мне возможность скорее тебя облобызать[5]. Привет всем твоим. Пиши

<Подпись>[6]

---

[1] В 1946 г. православная Пасха пришлась на 21 апреля.

[2] *Масанов Иван Филиппович* (1874—1945) — историк, библиограф; составитель «Словаря псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей»; в 1946 г. был опубликован сборник статей: Иван Филиппович Масанов, 1874—1945: сб. статей. М.: изд-во и тип. изд-ва Всесоюз. кн. палаты, 1946. 29 с.

[3] Видимо, речь идет о 50-й годовщине смерти Л. Н. Модзалевского.

[4] Имеется в виду А. Я. Жданович. С 1944 по 1948 г. он учился в ВВМУ им. Фрунзе в Ленинграде; приехав в город из Баку, познакомился с семьей Л. Б. Модзалевского, часто бывал у них в доме — в комнатах коммунальной квартиры, на углу 1-й линии и Среднего проспекта Васильевского острова (1-я линия, д. № 44, кв. 6). Я. Н. Жданович попросил Л. Б. Модзалевского опекать сына, у которого не было знакомых в Ленинграде. См.: *Модзалевская Т. Л.* Лев Борисович Модзалевский (1902—1948): страницы жизни. СПб.: [б. и.], 2009. С. 51, 58.

[5] Очевидно, Я. Н. Жданович передал данное письмо Л. Б. Модзалевскому с сыном Андреем, который находился в отпуске в Москве и должен был возвратиться обратно в Ленинград.

[6] Письмо написано простым карандашом.

Приложение

Я. Н. Жданович — Е. А. Модзалевской

<Москва>, 1 июля 1948 г.

1.VII.1948 г.

Прошло четыре дня, — для меня всего только два дня, — ужасного потрясения, жуткой тоски и ноющей боли. Как налетевший шквал в ясную светлую и радостную минуту жизни в одно мгновенье разрушил Все окружающее, загасил свет, вырвал из Жизни Лёву[1].

Ужасно просыпаться, — после оцепенения сна приходит в память сознания мысль о том, что Лёвы больше нет. Лёвы!! большого с седой уже головою, с голубыми хорошими ясными глазами, которого я поднимал еще маленьким ребенком и носил на руках своих; крепкого

и честного труженика с силой воли переутомляющейся пчелы и могучего муравья. Я переживал уже канун четверти века его блестящих научных трудов и ждал трепетно дня его новой жизни, самостоятельной большой работы в должности директора будущего Пушкинского музея в 1949 г.[2] — это было нашей обоюдной мечтою: Лёва на свободе, выбравшийся из паутины тарантула, высасывавшего из него соки[3]. Мои мечты рухнули!

Мне больно сознавать, что наука потеряла честного, талантливого, умного труженика.

Мне больно сознавать, что Все, кто знал его, с кем он встречался, потеряли человека, которого искренне любили, и я гордился им в душе моей, что он твердо шагает по стопам честного и светлого сейчас облика моего незабываемого любимого друга — Бориса Львовича и его брата Вади, которого мы называли иногда Христом. Мне больно осознать, что он покинул не по своей воле прекрасную семью свою, с которой я знаком по его рассказам и со слов моего Андрюши. Нет среди нее Лёвы. Гнездо осиротело, пусто. Оно было продолжением гнезда, которое свил своими руками любвеобильный труженик Борис с его уютом и его традициями. Я утешал свою потерю Бориса пятнадцать лет тому назад тем, что он умер счастливым: его работу продолжит Лёва, его традиции останутся незыблемы, его знания потекут из молодого, сформировавшегося уже источника. Потерю Вадима я не мог утешить, ибо он канул в вечность одиноким, и имя его вторично умерло под спудом архива, он исчез и забыт навсегда, его помнят лишь очень немногие оставшиеся в живых еще его друзья.

Мне мучительно больно, что Лёва покинул не по своей воле это гнездо так рано, не успев оставить вместо себя продолжателя и творца своих мыслей и чувств.

* * *

Но я твердо уверен в том, что свитое трудолюбивыми руками Бориса и Лёвы гнездо не сдуют шквалы ветров жизни, и оно останется крепким на многие годы. Я знаю, что образ прекрасного отца останется на всю жизнь в душах его детей, и они будут выразителями и продолжателями жизни и чувств прекрасного Лёвы, которого уже нет среди нас. Я знаю, что все, накопленное Лёвой, останется нерушимым и неприкосновенным; все духовное, что осталось от него, будет продолжать жить, расти и крепнуть; все вещественное замрет на какой-то промежуток времени и вдруг проснется, когда меня уже не будет в живых, воскреснет и будет продолжать жить в трудах нового поколения Льва Николаевича, Бориса Львовича и Льва Борисовича. Я интуитивно верю в это твердо и глубоко, ибо в осиротевшей семье остались Вы, милая Евгения Алексеевна, и, быть может, в самых жестоких условиях трудовой жизни Вы, бодрая и крепкая духовно, стиснув зубы на все невзгоды, выведете на проторенную дорогу новое прекрас-

ное поколение чудесного Лёвы... Для этого стоит жить, трудиться, терпеть невзгоды, если они придут, и своими собственными руками создать продолжателей Духа и традиций честного, всеми нами любимого, прекрасного человека. Не жалеть сил своих и энергии, быть энтузиасткой поставленной себе задачи. Дай Вам Господь сил и бодрости духа справиться с нею.

Крепко обнимаю Вас и детей. Будьте бодры и верьте. Поклонитесь низко от меня праху моего любимого друга.

Яков Ждановичᵉ[4]

<Адрес на конверте[5]:>

Ленинград 41
Ул. Халтурина д. 27 кв. 25.
Евгении Алексеевне Модзалевской

---

[1] Л. Б. Модзалевский трагически погиб при невыясненных обстоятельствах 26 июня 1948 г., направляясь поездом в командировку в Москву.

[2] О проекте «По организации Всесоюзного музея А. С. Пушкина и восстановлению музейных памятников г. Пушкина в связи со 150-летием со дня рождения А. С. Пушкина» (1945 г.) см.: *Краснобородько Т. И., Турчаненко В. В.* Пушкинский Дом и процесс концентрации в СССР рукописей Пушкина (1930—1940-е годы): по архивным источникам // Русская литература. 2023. № 3. С. 27—29.

[3] Вероятно, под освобождением «из паутины тарантула» подразумевалось стремление Л. Б. Модзалевского выйти из непосредственного подчинения директору Архива Академии наук Г. А. Князеву. По словам Т. Л. Модзалевской, после защиты докторской диссертации в 1947 г. ее отец «ушел из Архива АН СССР, так как методы административного присвоения Г. А. Князевым первого авторства в его работах стали для него неприемлемы» (*Модзалевская Т. Л.* Лев Борисович Модзалевский. С. 57—58). В действительности Л. Б. Модзалевский оставался сотрудником как Пушкинского Дома, так и Архива вплоть до своей смерти. Однако в его личном фонде отложились заявление об увольнении из Архива «вследствие невыносимой обстановки», создавшейся для его научной работы, датированное 17 окт. 1945 г., и заявление на имя президента АН СССР С. И. Вавилова с просьбой о переходе в штат Института литературы от 28 авг. 1946 г. (см.: ф. 187, оп. 2, ед. хр. 88, л. 60, 68—68 об.).

[4] Письмо написано простым карандашом.

[5] Штемпели: «*б* Ленинград *б* 41 274819 <нрзб.> 274816»; «Москва <нрзб.> Почтамт <нрзб.>».

Библиографический список

1. «Аристократ Духа»: из воспоминаний Я. Н. Ждановича о Б. Л. Модзалевском в 1905—1928 гг. / вступ. ст., подг. текста и комм. Е. С. Левшиной // Литературный архив советской эпохи: сб. ст. и публ. СПб.: Полиграф, 2022. Кн. 3.
2. *Белецкий П. А.* Георгий Иванович Нарбут. Л.: Искусство, 1985.
3. *Бутенев М. А.* История старой русской дворянской семьи: хроника семьи Бутеневых. М.: Паломник, 2002.

4. *Вересаев В. В.* Гоголь в жизни: систематический свод подлинных свидетельств современников. Л.: Academia, 1933.
5. Воспоминания Я. Н. Ждановича о Б. Л. и В. Л. Модзалевских / публ. Е. С. Левшиной // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2015 год. СПб.: Дмитрий Буланин, 2016.
6. *Готовцева А. Г., Киянская О. И.* Правитель дел: к истории литературной, финансовой и конспиративной деятельности К. Ф. Рылеева. СПб.: Нестор-История, 2010.
7. *Долгова С. Р.* Княгиня Е. Р. Дашкова и семья Малиновских. М.: Древлехранилище, 2002.
8. *Жданович А. Я.* Холодное утро. СПб.: Logos, 2005.
9. Иван Филиппович Масанов, 1874—1945: сб. статей. М.: изд-во и тип. изд-ва Всесоюз. кн. палаты, 1946.
10. *Искюль С.* В Петербурге перед лицом опасности. 1812 // Звезда. 2015. № 5.
11. *Краснобородько Т. И., Турчаненко В. В.* Пушкинский Дом и процесс концентрации в СССР рукописей Пушкина (1930—1940-е годы): по архивным источникам // Русская литература. 2023. № 3.
12. *Мартос П. И.* Эпизоды из жизни Шевченка // Воспоминания о Тарасе Шевченко. Киев: Днипро, 1988.
13. *Модзалевская Т. Л.* Борис Львович Модзалевский (1874—1928). СПб.: Лема, 2012.
14. *Модзалевская Т. Л.* Вадим Львович Модзалевский (1882—1920). СПб.: Любавич, 2011.
15. *Модзалевская Т. Л.* Лев Борисович Модзалевский (1902—1948): страницы жизни. СПб.: [б. и.], 2009.
16. *Модзалевская Т. Л.* Лев Николаевич Модзалевский. СПб.: Лема, 2016.
17. *Модзалевская Т. Л.* Модзалевские: история семей пяти поколений. СПб.: Лема, 2021.
18. *Модзалевская Т. Л.* Наша блокада: семья Модзалевских в военные годы (1941—1945): документы, письма, дневники. СПб.: Лема, 2014.
19. *Модзалевский В. Л.* Малороссийский родословник. СПб.: типо-лит. «С. В. Кульженко», 1912. Т. 3: Л—О.
20. *Модзалевский Л. Н.* Очерк истории воспитания и образования с древнейших времен до наших дней / сост. (по Шмидту, Раумеру и др.) Л. Модзалевский. СПб.: в тип. Ф. С. Сущинского, 1866—1867. Вып. I—III.
21. Письма А. Н. Модзалевского к Б. Л. Модзалевскому / публ. Т. Г. Ивановой // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1996 год. СПб.: Дмитрий Буланин, 2001.
22. Письма В. К. Гершельмана к Б. Л. Модзалевскому / публ Н. Ю. Заварзиной и И. В. Сахарова // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1996 год. СПб.: Дмитрий Буланин, 2001.
23. Письма Я. Н. Ждановича к Б. Л. Модзалевскому (1911—1924) / вступ. ст., подг. текста и комм. Е. С. Левшиной // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2022 год. СПб.: Полиграф, 2022.
24. Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) о строительстве гидростанции на Волге от 23 марта 1932 г. // Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского правительства СССР. 1932. Отд. 1. № 21. Ст. 127.

25. Русские портреты XVIII и XIX столетий. СПб.: Экспед. загот. гос. бумаг, 1905. Т. I. №№ 9, 59—61; СПб., 1907. Т. III №№ 206—207.
26. *Томозов В. В.* К юбилею В. Л. Модзалевского // Известия Русского генеалогического общества. СПб.: [б. и.], 1995. Вып. 4.
27. *Хитрово Л. К.* Л. Б. Модзалевский: материалы к биографии по документам личного архива в Рукописном отделе Пушкинского Дома // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 2020 год. СПб.: Родник, 2020.
28. *Цявловский М.* Записки пушкиниста / вступ. ст. К. П. Богаевской // Пути в незнаемое: писатели рассказывают о науке. М.: Сов. писатель, 1990. Вып. 2.
29. *Кривошея О. В.* Духовний заповіт Вадима Львовича Модзалевського як джерело до духовної історії інтелігенції // Наукові записки Вінницького державного педагогічного університету ім. М. Коцюбинського. Серія Історія: збірник наукових праць. 2008. Вип. XIV.
30. Особові архівні фонди Інституту рукопису: Путівник / Національна академія наук України. Національна бібліотека України ім. В. І. Вернадського. Інститут рукопису. Київ, 2002.

Электронные ресурсы

31. Arhivogram [Электронный ресурс] URL: https://archivogram.top/30240795-portret_ivana_petrovicha_arharova_miniatyura (дата обращения: 17.03.2024)
32. Бессмертный барак [Электронный ресурс] URL: https://bessmertnybarak.ru/books/person/51610/ (дата обращения: 23.02.2024).
33. Виртуальная галерея // Моя Третьяковка [Электронный ресурс] URL: https://my.tretyakov.ru/app/masterpiece/22105 (дата обращения: 16.03.2024).
34. Гетман Филипп Дмитриевич // Архив Российской академии наук. Санкт-Петербургский филиал [Электронный ресурс] URL: http://db.ranar.spb.ru/ru/person/id/26288/ (дата обращения: 01.03.2024).
35. Гос. каталог Музейного фонда РФ [Электронный ресурс] URL: https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=41075495 (дата обращения: 17.03.2024).
36. *Парамонов А.* Улицы старого Харькова // iknigi.net [Электронный ресурс] URL: https://iknigi.net/avtor-andrey-paramonov/181784-ulicy-starogo-harkova-andrey-paramonov/read/page-5.html (дата обращения: 24.03.2024).
37. Экспонаты // Государственный Исторический музей. [Электронный ресурс] URL: http://catalog.shm.ru/entity/OBJECT/3009365?page=11&sort=110&fund=12&index=1007, https://catalog.shm.ru/entity/OBJECT/3009109?query=%D0%BA%D1%80%D0%B0%D0%BC%D1%81%D0%BA%D0%BE%D0%B9&index=37 (дата обращения: 23.02.2024).